

СЕРГЕЙ
ОСЕТОВИЧ

ГОЛЫ

Сергей Островой

ГОДЫ...

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1985

Художник А. Ф. Шкапов

Островой С. Г.

О-77 Годы... — М.: Сов. Россия, 1985. —
176 с., 1 л. портр.— (Лауреаты Гос. пре-
мии РСФСР им. М. Горького).

Переиздание книги известного поэта Сергея Григорьевича Острового, удостоенной Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Лирике Сергея Острового свойственны четкость позиций, откровенная прямота и страстность в утверждении морально-этических принципов нашей жизни. Эти характерные черты поэтической натуры Сергея Острового нашли свое выражение в книге.

О $\frac{4702010200-276}{M-105(03)85}$ КБ-35-9-1985

P2

© Издательство «Советский писатель», 1981 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Так кто же ты? Друг или недруг?
Тут нет середины ни в чем.
Тут либо дремучие недра,
А либо звезда над ручьем.

И стань ты хоть докою ушлым
Иль тем записным знатоком,
Но — паче всего — равнодушным
Не смей состоять. Ни при ком.

И вот ведь тут чудо какое:
Сейчас ли, а может, в былом,
Лишал ли тебя я покоя
При встрече с добром или злом?

Помог ли бесстрашью? И чести?
Был рядом во время годин?
И верил ли ты, что мы вместе?
Что ты на земле не один?

Ты мой. Хоть великий, хоть малый.
Ты мой. По бытью. По судьбе.
Каким тебя званьем ни жалуй,
А всё не по росту тебе.

Так кто же ты? Друг или недруг?
Тут нет середины ни в чем.
Тут либо дремучие недра,
А либо звезда над ручьем...

ПОРТРЕТ

Нас всех рисует время,
Все пишет наш портрет,
От самой колыбели
До тех прощальных лет.

С дороги не сбиваясь,
Оно ведет свой счет.
То выставит морщинку,
То складку насечет.

За радости сверх меры,
За прежние грехи
Безжалостно и строго
Кладет оно штрихи.

То длинный штрих положит,
А то взмахнет слегка —
И белая дорожка
Ложится у виска.

И снова — белым, белым,
И входит цвет в права,
И зимнею порошей
Повита голова.

Идут за годом годы.
Идет за следом след.

А время все рисует,
Все пишет наш портрет.

Меняет наши лица.
И души. И сердца.
А сколько это длится?
А это без конца...

ЛЮБОВЬ

Это намертво. Это в крови.
Это в сердце моем бесконечно.
Нет, не клясться России в любви —
А любить ее. Просто. И вечно.

Уважать ее хлеб. И добро.
И внимать, как ложатся на доли —
Тишины золотое перо
И зари вечевые глаголы.

И по утренней этой поре,
Захлебнувшись росистою ранью,
Встать лицом к повлажневшей коре
И вдыхать эту свежесть дурманью.

И земной суете вопреки
Увидать, будто в сказочном чуде,
Как у самого края реки
Солнце черпают ведрами люди.

МЕЛЬНИЦА

Все на земле перемелется.
Камень. Железо. Трава.
Жизнь — это вечная мельница,
Вертит свой жернова.

Ходит по мельнице ветер.
Сор выдувает в окно.
Где-то мякину приметит.
Где-то поднимет зерно.

Души печалить не будем.
Тут уж законы свои.
Что-то останется людям.
Что-то склюют воробьи.

Разные судьбы на свете.
Разные в мире права.
Сколько всего переметят
Жизни твоей жернова.

Будет и радость. И морок.
Совесть была бы чиста...

Хлеб оттого-то и дорог,
Что не дается с проста.

ЧУДАК

Ах, нам бы знать не худо
Уже давным-давно:
Чудак — от слова чудо.
Вот то-то и оно.

Хоть раз скажи, хоть десять,
А так оно и есть.
Пойдет чудака чудесить —
Чудес не перечесть.

Жил-был старик в Калуге.
Ходил он в чудаках.
Космические фуги
Играл на облаках.

Ловил он звезды в сети.
Он звал людей в полет.
И до сих пор на свете
Та музыка поет.

Чудака не знает страха.
Казни его молвой,
А он опять из праха
Поднимется живой.

Его костром пытали.
Железом рвали рот.
А он все рвется в дали.
На вымах. В разворот.

И всем нам знать не худо
Уже давным-давно:
Чудака — от слова чудо.
И так и есть оно.

ДУША

По камням стучит водица,
Будто палкой старика.
Если б снова мне родиться —
Знал бы, как состариться.

Если б снова ветер в грудь,
Да в дорогу дальнюю,
Я бы взял с собою в путь
Глубь неповедальную.

Уползай в нору, змея,
Улетайте, вороны.
Распахнул бы душу я
На четыре стороны.

Что там брезжит впереди?
Кто несчастен смолоду?
Вот душа моя — входи.
Обогрейся с холоду.

Обогрейся, не беда.
Забирайся в песенки.
Если б старые года,
Да по новой лесенке.

Вот тогда б идти, идти,
Сто годов источится...
А душа — она в пути.
Ей все к людям хочется.

СВЕТ И ТЬМА

Не то со зла, не то с испуга,
Не то еще с какой беды
Схватились ветки друг за друга
И ну скрипеть на все лады,

И ну страшать, и ну хлестаться,
И ну выписывать круги,

Еще чуть-чуть и, может статься,
Начнут кусаться. Хоть беги.

Погасло солнце в черной раме.
Уже качало высоту.
Гроза сидела за домами
И набирала черноту.

И вдруг нагрянула. И с ходу
Перекрутила все сады.
И так ударила природу,
Что было близко до беды.

А между тем за дальним лесом
Опять светало. Все звончей.
И прыгал ветер красным бесом,
Гоня багряных трубачей.

Все пело свежестью и светом.
Садами. Радугой. Травой.
И сколько раз пишу об этом
И каждый раз пишу впервой.

ВЕТЕР

Когда у ветра спросишь:
Где ты был? —
Он может не ответить. Он забыл.

Забыл, как он ломал мое окно.
А было сыро. Холодно. Темно.

Забыл, как он березке у ворот
Ладонской грязной перепачкал рот.

Забыл, как у парящего орла
Хотел с размаху вывернуть крыла.

Забыл, как под бушующей волной
Все звезды утопил он. До одной.

Забыл, как на заснеженном лугу
Топтал костер. Валял его в снегу.

Забыл. Забыл. Все — ветренник — забыл.
Не спрашивай у ветра, где он был.

Он все ко мне стучался в эту ночь.
Принес беду, а после капнул прочь.

АТОМ

Уже была однажды Хиросима.
И эта боль черна. И негасима.

Уже однажды плавился гранит.
И все звенит слеза его. Звенит.

И в рыжих комьях рушилась земля,
Людей о милосердии моля.

И с той поры — я верю — каждый атом
Себя считает в чем-то виноватым.

И даже в каждом атоме добра —
Нет-нет да отзовется та пора...

СТРАДА

Шагал солдат кремешными путями.
Мостил дороги в дантовых кругах.
Четыре пуда грязи под погтями.
И полземли на ржавых сапогах.

ВЫСЬ

Гора убить меня хотела.
Ей камши в верности клялись.
И все куда-то вдаль летела
Неразговорчивая высь.

Ярилась дикая природа.
То выпшет бурю. То обвал.
И не давала кислорода,
Когда я звезды доставал.

А я все шел. На зов вершины.
Срывалась с наледи стопа.
И прямо в черные крушины
Валилась замертво тропа.

А я все шел. Все выше. Выше.
К вершине той. Наверняка.
На снеговой покатой крыше
Касались света облака.

Все было вещим в эту пору,
Куда лицом ни обратись...

И я взошел на эту гору.
И обозначил эту высь.

БАНАЛЬНОСТЬ

Жизнь состоит из банальных сюжетов.
Он полюбил. И она полюбила.
Эти закаты и этих рассветов
Сколько на нашей земле уже было?!

Было. Все было. И все еще будет.
Эти приливы. И эти отливы.
Память запомнит, память забудет
Песенок юных седые мотивы.

Все повторяется в разные сроки.
В старый свой дом возвращается птица.
Будем к своим недостаткам жестоки —
В нас они могут опять повториться.

Сколько всего уже было на свете.
Но навсегда, как святая причуда,
В каждом банальном и старом сюжете
Бьется огонь человеческого чуда.

ТОЛПА

Чей-то любимый. И чья-то любимая.
Чей-то обидчик. И чей-то дружок.
Двигаюсь, двигаюсь, двигаюсь мимо я.
Реденький сеется с неба снежок.

Угол метро. Остановка трамвая.
Шарканье ног. Перебивка шагов.
Тянется, тянется лента живая,
Сколько она опояшет кругов!

Вправо и влево. Туда и обратно.
Каждый спешит по своим адресам.
Черные, красные, желтые пятна,
Будто листвья по осенним лесам.

Что их так гонит? Велит торопиться?
Время? Привычки? Судьба, наконец?
Нет, ты взглядишь в эти разные лица.
Вслушайся в музыку этих сердец.

Это не просто, встраиваясь в мир,
Мчится толпа, эту землю крутя...
Чей-то любимый. И чья-то любимая.
Чей-то родитель. И чье-то дитя.

ПОТЕХА

Потеха — не всегда утеха.
Случалось все в моей судьбе.
Бывает, давишься от смеха,
А плакать хочется тебе.

И вот ведь что еще обидно:
Среди потешной маеты
Другим-то этого не видно,
Ты только знаешь это. Ты.

О, эта призрачная кромка,
Где слезы переходят в смех.
И ты смеешься громко-громко,
Пере-хо-ха-тывая всех.

И скажет кто-нибудь, пожалуй,
Не то шутя, не то всерьез:

— Ну, до чего ж веселый малый!
А малый
давится
от слез...

СКАЗАНИЕ О РАЗЛУКЕ

А я говорю вам:

— Не смейте, не смейте
Играть про разлуку на маленькой флейте,
Играть на валторне, играть на органе,
Разлуку играют на оксапе,
На звездах, на далих, на осени мрачной,
На туче седой, на любви неудачной,
На самой пустынной и длинной дороге,
А кто-то всю ночь простоят на пороге...

И я говорю вам:

— Не надо, не надо
Ни вспышек огня, ни скрипичного лада,
Разлука огромное звука и света,
Когда докричаться нельзя до ответа,
Когда ты повален тоской черноликой,
Разлуку играют на боли великой,
На бурях, в которых не молкнут раскаты,—
Два сердца разбиты, две жизни разъяты...

И я говорю вам:

— Не смейте, не смейте
Играть про разлуку на маленькой флейте!

МОЙ ВЕК

...О времени и о себе,
В. Маяковский

Во-первых, о Времени: так качало,
Так опаляло огнем сердца!
И это было всегда начало,
И этому нет никогда конца.

Теперь — о себе: состою солдатом,
Но не по указу. Сам по себе.
И не по черным и светлым датам,
А по всегдашней своей судьбе.

И снова — о Времени: разве просто
Жить за двоих? За троих? Спеша.
С заботою чтоб у большого роста
Ничуть не меньше была душа.

И вновь — о себе: дорожу следами.
Камень люблю. И люблю траву.
Только бы мне не остыть с годами,
Я еще ярких цветов нарву.

ПРЯМОТА

Нет, прямота не в том, чтоб прямо,
Ни разу не свернув с пути,
Хоть пропасть встретится, хоть яма,
А напрямиком идти. Идти.

Нет, прямота не в том, чтоб с ходу,
Когда бесчинствует вода,
Не зная броду, рваться в воду
И плыть, и плыть неведь куда...

Нет, ты сумей, как путь ни сложен,
Не обинуясь, напрямик,
Сказать ничтожеству:

— Ничтожен!

Сказать великому:

— Велик!

ПЛАЧ ПО НОВОГОДНЕЙ ЕЛКЕ

Тебя с матерью разлучили. Тебя с сестрами
разлучили.
От земли тебя отлучили. Привезли тебя в чей-то дом.
В платье пестрое облачили. Людям кланяться
научили.
Золотые шары вручили, чтоб не думалось о худом.
А украли тебя под утро. Подрубили под корень
самый.
А тебе бы на волю. К полю. К лесу. К звопчатой
тишине.
Повелели стоять в кадushке под щелястой оконной
рамой,
И ушастые тени шастали по холодной глухой стене.
А в квартире сидели двое. Молчаливых.
И неутешных.
Разлюбивших давно друга друга. Неуступчивых
и чужих.
Им давно ничего не надо. Ни святых вечеров. Ни
грешных.
Просто — тут их свела привычка. Просто — тут
посадила их.
Раззолоченная, цветная, ты им что-то сказать
хотела.

А пока ты сказать хотела, прикоснувшись к чужой
судьбе,
Все глядел на тебя в окошко клен, от стужи
заледевший.
Простирая пустые ветви, как завидовал он тебе!

А потом догорели свечи. Утро стерло натеки грима.
И раздели тебя под утро... И закинули в снежный
звон.
Пробегали собаки мимо. Пролетали воробьи мимо.
И глядел на тебя в испуге потянувшийся к солнцу
клен.

КОРНИ

Моя сторона русая.
Моя сторона русская.
Я тобой выкормлен. Выпоен.
Взрос из твоих корней.
Земля запеклась от выбоин,
А нету тебя родней.

Иду ль по земле дозором,
По рекам ли вдаль гребу,
Гляжусь ли в твои озера,
А будто гляжусь в судьбу.

И выси твои, и лощины —
Все было в моей судьбе.
Да разве сочтешь морщины,
Что я прибавлял тебе?!

То рос без отца. В разлуке.
То шел по лихой войне.

А ты все тянула руки
И что-то кричала мне.

Кидалась в любые брешы,
Чтоб только прикрыть. Спасти.
И если я в чем-то грешен,
Прости ты меня. Прости.

ВЕРШИНА

Стали боги мои убоги —
Не могу одолеть дороги.

Не могу одолеть дороги,
Не могу перейти пороги.

А пороги мои — отроги,
Это к ним я веду дороги.

Все казалось — вершина рядом.
Хоть рукой ее гладь. Хоть взглядом.

Шаг ступить — и свершится чудо:
Все увидеть смогу оттуда.

Но чем ближе мои отроги —
Тем все круче навверх дороги.

ОГОНЬ

Что есть огонь? Плясун бесстыжий?
Чуть-чуть попляшет да уйдет?
А он все пляшет — неслух рыжий,
Покуда ноги не сведет.

Что́ есть огонь? Злодей крошечный?
Уж больно хваток. Да горяч.
Злодей? А может, шут потешный?
Так насмешит тебя, хоть плачь.

Что́ есть огонь? Транжира броский?
Мот, прожигающий добро?
Иль нищий в латаных обносках,
В лоскутьях, блещущих пестро?

Что́ есть огонь? Поэт отважный?
Светло слагающий стихи?
Или завистник аванажный
И мститель за свои грехи?

Что́ есть огонь? Владыка вздорный?
Ревнитель всех своих затей?
Иль собеседник добротворный
До каждой искорки своей?

Так что же все-таки есть пламя?
Паденье? Или торжество?
Огонь мы выдумали сами.
И сами
 пестуем
 его.

ДИРИЖЕР

Как эти руки сняли молнию с черной тучи?
Ветер остановили. Сдвинули в реках лед.
Слышишь, обвалы грома падают навзничь

с кручи —

И над весенним миром солнечный шар поет.

Солнце звучит все ярче. Ритмов идет кружение.
Трепетным сгустком света кажется каждый звук.
Какую же надо выстрадать силу воображенья,
Чтоб сотворить вселенную мощью вот этих рук?

А человек руками снова взмахнул. И снова.
И отступила где-то вечная мерзлота.
И почему-то чище стало людское слово.
И отчего-то в душах вспыхнула доброта.

Сколько он отдал людям, чтобы достичь зенита?
Нежным был. И суровым. Няничил огонь. И лед.
И партитура жизни вся перед ним раскрыта.
И в отголосках бури сердце его поет.

ПРЕДЕЛ

А где пределы у предела?
И не на то ль он есть — предел,
Чтоб не редела, не скудела
Неистощимость новых дел?!

А есть ли сущему граница?
Где заповедная черта,
Когда в любом из нас гранится
Святая запредельность та?!

Перешагнуть. Переумножить.
Рвануть за дальнюю черту.
И так светила потревожить,
Чтоб закачало высоту.

Я не скажу, что все мы боги.
Что все при счастье. На коне.

Но те, кто не нашли дороги,—
Так это ж по своей вине.

Ведь у предела нет предела.
Он для того и есть — предел,
Чтоб не редула, не скудела
Неистощимость новых дел.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

А вчера здесь луну хоронили.
Вот на этом пригорке. Вот тут.
Ветры в колокол черный звонили
И сейчас всё метут и метут.

Я стою у дороги. А рядом,
Окаянно сбиваясь с пути,
Две звезды пробираются садом
И не могут друг друга найти.

Только мне ничего здесь не надо.
А когда-то, не очень давно,
Сквозь зубчатые прорези сада
Мне всегда здесь светило окно.

И светило оно. И светало.
А потом заугрюмилось вдруг.
И погасло. И холодно стало.
И деревья согнулись вокруг.

С той поры здесь заглохли тропинки.
Почернели узлы на коре.
И ни зги. Ни следа. Ни светинки.
И осенняя ночь на дворе.

ГЛАГОЛЫ

В мире много неустроенного,
На сыром песке построенного,
На крутой беде замешенного,
Добрим словом неутешенного.

В мире много недосказанного,
К зыбким домыслам привязанного,
Кривотолками калеченного,
Прямотою не примеченного.

В мире много неизведанного,
Разжиревшей ленью преданного,
Без внимания оставленного,
Человечеству не явленного.

В мире много неоплаченного,
В пустяках легко растраченного,
В суете сует схороненного,
На сухой пустырь уроненного...

ТАЙНА

Какие тайны постигаем,
Как раздвигаем окоем,
А разве знаем, разве знаем,
Кому мы руку подаем?!

Все покорили: твердь и сушу.
А разве ведаем сполна,
Кому мы открываем душу?
До подноготной всей? До дна?

Где без боязни, где с опаской
Идем по звездному хребту.
А как узнать под доброй маской
Недоброй зависти тщету?

О эти вкрадчивые беды,
Что так тиранят нам сердца,
Какие человековеды
Их разгадают до конца?

Ведь вот — и звезды открываем,
И раздвигаем окоем,
А разве знаем, разве знаем,
Кому мы руку подаем?

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Мне всю ночь сегодня снились реки.
Бешеная, белая вода.
Я еще воды такой вовеки,
Никогда не видел. Никогда.

Утверждая собственное иго —
Шла она, беря живое в плен.
Чертово страшилище. Шишига.
С космами седыми до колен.

И тогда, навстречу этой силе,
От которой мир дрожал и дрог,
Вышла вдруг ольха, каких в России
Ветер хороводит у дорог.

Встала. Перед злом. Перед бедою.
Туго распрямилась. Как могла.
— Не пущу! —

И руки над водою.
Руки. Над бедою. Подняла.

И тогда я вспомнил дни былые,
Как среди войны, среди годин,
Сколько раз солдат моей России
Танки останавливал. Один.

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

Нас все меньше и меньше.
А ведь было нас много.
А ведь было нас столько,
Аж ломалась дорога.

Наши раны болели.
Наши кости белели.
Мы солдатское лихо
Вместе с кашею ели.

Нас все меньше и меньше.
Мы уходим далече.
Это мы погасили
Бухенвальдские печи.

Наши роты редели.
Наши души седели.
Смерть погреться ходила
К нам в оконные щели.

Нас все меньше и меньше.
Надвигаются годы.

Мы из той, из двужилной,
Из солдатской породы.

В трудных снах оживая,
Бьет метель фронтовая,
Вся в рубцах да в ожогах
Наша память живая.

ЧАЙКА

Набухало солнце желтизной,
И земля была распухшей. Странной.
Зависала чайка над волной,
Будто бы на ниточке стеклянной.

Крыльями упершись в высоту —
Так она висела. Долго-долго.
А потом срывалась в пустоту
И вонзалась в воду. И не волгла.

Как ее носило — не понять.
Я бы умер от изнеможенья.
И опять взмывала. И опять
Тут же повисала без движенья.

Вот она припала на крыло.
И пошла кружиться на просторе...
Грозовое, яростное море
Ничего с ней сделать не могло.

БЕЗЛИКОСТЬ

Прочтешь стихи — ни запаха, ни цвета.
Синтетика... Она теперь в чести.
В таких стихах нет ни зимы, ни лета.
Ни птицам петь. Ни дереву цвести.

А все на месте. Свинчено на диво.
Все пригнано. Да так, что не дыши.
И все тут есть. И вроде все красиво.
Единственно чего тут нет — души.

Да собственного зренья. При этом.
Да той, природной сути мастерства,
Когда своим, а незаемным светом
Живет любая клетка естества.

А то ведь вот какая незадача:
Вдоль хилых синтетических кривых
Бредут стихи — не хохоча, не плача,
Не трогая ни мертвых, ни живых.

О серый лд безликого эрзаца!
Так гладко все, что можно уморить.
А песням надо плакать. И смеяться.
И ненавидеть. И боготворить.

А тут — прочтешь — ни запаха, ни цвета.
Синтетика... Она сейчас в чести.
И ни зимы в стихах таких. Ни лета.
Ни птицам петь. Ни дереву цвести.

ЕСЕНИНСКАЯ ОСЕНЬ

Шла белка вдоль по осени,
Орешки звонко щелкая.
Бежит ко мне из просини
Березка краснощекая.

Бежит, не спотыкается,
Не припадает на ногу.
И вот она — красавица —
С разбегу прямо в радугу.

И зарево, и зарево,
То желтое, то красное,
И ну пошло раздаривать
Добро свое цветастое.

Стоит пора погожая
В прозрачной беспредельности,
На семь чудес похожая
И ярче всех в отдельности.

И есть в ней, в этой осени,
Такая глубь высокая...

Бежит ко мне из просини
Березка краснощекая.

ВДВОЕМ

Летит звезда хвостатая.
Шумит ольха усатая.
И дождь стоит, как статуя
Из глыбы голубой.

Зарница приближается.
Огонь с огнем сражается.
А мне воображается,
Что это мы с тобой.

Всё спорим. Всё сражаемся.
Всё самовыражаемся.
Всё чаще обижаемся
На каждый пустячок.
Ведем бои поспешные.
А все мы люди грешные.
А злобимся — сердешные —
И двери на крючок.

Лежит дорога торная.
Витая. Неповторная.
И хоть земля просторная —
А тесно нам вдвоем.
Где ни пойдём, а встретимся.
Повздорим ли, приветимся,
А светимся и светимся
Мятущимся огнем.

ГИПЕРБОЛА

Жили черти в карандаше.
Мне гиперболы по душе.

Кит ворочался в Иртыше.
Мне гиперболы по душе.

Пальма выросла в камыше.
Мне гиперболы по душе.

Жили радуги в шалаше.
Мне гиперболы по душе.

Скупость щедрости не указ.
За гиперболой ходит сказ.

А за сказами ходит сказка.
Цепь за цепью. За связкой связка.

Сколько в мире сердец несчастных,
Но с великим добром в ладу,
Ходит сказка в сапожках красных,
Я за сказкой весь век иду...

ЭТЮД

У самой у обочины
Цветы разлепесточены.

Ложатся акварелины,
Как прихоти апрелины.

Весна идет. Владычица.
И речка в берег тычется.

И звоном поле полнится.
И луч летит, как молница.

Линяют звери разные,
От линьки несуразные.

Гуляет ель-красавица,
Чтоб всем в лесу понравиться.

И стали дни всё длительней.
И всё ручьи общительней.

И, сев на сук березовый,
Ликует дятел розовый.

ПРЕОДОЛЕНИЕ

И встала речка в камыше.
И город в стуже.
Но если лед в твоей душе —
Чего уж хуже!

Стоят сугробы за окном.
Зима без фальши.
Но если снег в тебе самом —
Куда уж дальше!

Закатный луч прервал полет.
И нет просвета.
Но если ночь в тебе живет —
Как страшно это!

Когда б все беды перечесть,
Когда бы ведать...
Но человек затем и есть —
Чтоб все изведать!

ОТКРЫТОСТЬ

Птицы ткали цветок на снегу.
Волк тайлся в мохнатом логоу.

Птицы ладили хор на лугу.
Волк таился в мохнatom лoгу.

Птицы гнезда творили в стогу.
Волк таился в мохнatom лoгу.

Птицы пели. Вовсю. Не таясь.
Волк ушел в глухомань. В непролазь.

Птичий след на открытом снегу.
Не могу я как волк... Не могу.

* * *

О женщинах — не спрашивай меня!
Да разве я скажу тебе об этом,
Когда колдует таинство огня,
Безудержно наполненное светом.

Когда за вздох, за стоп, за каждый вскрик
Всей жизнью платишь. Всей своей судьбою.
И в этот миг — ты целый материк,
Ты вся земля. И небо над тобою.

Какая мощь, какая в этом власть,
В том трепете, в той чистоте сближенья,
Когда рассудок переходит в страсть
И плоть уже не знает снисхожденья.

Когда уже ни ночи нет, ни дня,
И друг без друга быть невыносимо...
О женщинах — не спрашивай меня.
Вслух эта тайна произносима.

СТАРИЧОК

Прикидываясь добрым старичком,
Он кормит птиц. В любое утро. Свято.
И откупиться хочет пятачком
От тех грехов, что совершил когда-то.

Прикидываясь добрым старичком,
Он уступает каждому дорогу,
Чтоб тихоньким безвинным светлячком
Приблизиться к последнему порогу.

Прикидываясь добрым старичком,
Он в трудном споре людям не перечит,
А все в обход, а все бочком, бочком,
Чтоб круглый чет не поменять на нечет.

Прикидываясь добрым старичком,
Он тешится игрой самообмана
И верит в то, что дряблым кулачком
Он утрашит громаду океана.

НОЧНОЕ ПОЛЕ

О рассветах писал. О закатах.
О траве под густой синевой.
И еще я писал о солдатах,
Что почили под этой травой.

Продирается месяц сквозь пущи,
Будто желтое око совы.
А трава-то все гуще. Да гуще.
Неоглядное войско травы.

Ей гулялось еще при Батые
И завещано быть посему.
И стоят эти стебли литые,
Как солдаты. Один к одному.

Кто в шеломе стоит, а кто в каске.
Сколько судеб тут. Сколько имен.
И бегут по траве, как по сказке,
Разноликие

тени
времен...

МИНУТА

Несется время лютю,
То свет мелькнет, то мгла.
Еще одна минута
В историю ушла.

Святой была иль грешной?
Чем люди помянут?
И как ей там — сердешной —
Среди других минут?!

А их там много. Много.
Без меры. Без числа.
Где круто, где полого
Дорога их легла.

Ругай их или жалуй,
Все рядом. Без помех.
И всё-таки, пожалуй,
Одна превыше всех:

Ушла под гром салюта,
Еще в дыму, в огне,
Последняя минута
На той лихой войне.

ПОДСНЕЖНИКИ

Сегодня воскресенье.
Я вышел в лес. А тут —
Цветут ранневесенние,
Подснежники цветут.

Под временем тягучим,
Под игом холодов,
Под снегом тем сыпучим,
В котором сто пудов,

Под той крошечной стужей,
От света взаперти,—
Как этот белый ужас
Им удалось пройти?!

Превозмогли. Пробились.
Я видел, как сперва
Один отважно вылез.
Потом их стало два.

И вот им счета нету.
Радей им, не радей,
Они пошли по свету
Приветствовать людей.

Малышки. Дети вроде.
А вон какая власть!

Есть в нежной их природе
Языческая страсть.

ГОРЕ

Горе может кричать.
Воспаленно. И дико.
Горе может молчать.
Ни движенья. Ни вскрика.

Горе может кричать.
Беззащитно. И громко.
Горе может молчать.
Как над пропастью кромка.

Горе может кричать.
Как реклама с экрана.
Горе может молчать.
Как глубокая рана.

Горе может кричать.
Горе может молчать.
А которое горе больнее?
То, что громко кричит?
Или то, что молчит?
Я не знаю. Вам это виднее.

СВЕТАНИЕ

Удивляться — нет, не перестану.
Сколько их — чудес — в моем дому.
Вот проснусь, с зарею рядом встану
И пойду по городу всему.

Тишины напьюсь по крайней мере.
Поклонюсь природному огню.
Люди, люди, отворите двери,
Помогите начинаться дню.

Я вас всех прошу сейчас об этом.
Разожгите день у всех дверей
Тем своим неповторимым светом,
Что идет к светилам от людей.

Пусть он птиц на сонных ветках будит.
Пусть он будит спящие поля.
Раньше всех всегда светают люди,
А уж после светится земля.

ПОЗДНЕЕ ДОБРО

Когда-нибудь, когда-то,
Не знаю я когда,
Вдруг вздрогнет виновато
Далекая звезда.

К чему? За что ей это?
За то, что много лет
В крошечных безднах где-то
Она таила свет.

Все пряталась до срока.
Все скрадывала след.
Далеко-далеко,
За тридевять планет.

А люди ждали. Ждали.
— Не запоздай, светец! —
И вот она сквозь дали
Сверкнула наконец.

И вот пошла чудесить.
Светить во весь разгон.
А раньше б лет на десять?
На сто? На миллион?

Уж вот бы было чудо.
Пронзай лучами зло.
И людям бы не худо,
И ей светлым-светло.

ПОВОДЫРЬ

Так уж это водится. Веками.
Будь ты хоть меньшей, а хоть старшой —
Отбивать обиду кулаками...
Отбиваться надо бы душой.

Пусть ты вознесен или повержен,
Хороша ль судьба, не хороша —
Никакие руки не удержат,
Если воспротивится душа.

Похваляясь силой озорною,
Напугают спесью кулаки.

Сколько их прошло передо мною —
Силачей, сгибавших пятаки?!

А душа — она всему опора.
Без нее и сила как пустырь...

Вот ведь Альпы перешел Суворов.
А не великан. Не богатырь.

НАИВНОСТЬ

Ю. Прокушев

...А люди должны быть наивными.
Однажды привидится вдруг,
Что где-то под Псковом, под Ливнами
Колышутся пальмы вокруг.

...А люди должны быть наивными.
Влюбляясь в мечту до конца,
Какими минутами дивными
Они защищают сердца!

...А люди должны быть наивными.
Ведь даже в сверхтрезвые дни
Как часто мечами былинными
Карают злодейство они!

...А люди должны быть наивными.
Восторженность в душах храня,
Пройдут они жизнями длинными,
Ни в чем не унизив огня.

НАИГРЫШ

Бабье лето, бабье лето,
Доброта воды и света,
Птица тянется в зенит,
Перелетами звенит.

Бабье лето, бабье лето,
Заблудился холод где-то,
Пронесись его пора
Мимо нашего двора.

Бабье лето, бабье лето,
Поздним цветом разогрето,
Проливается баgreц
На березовый дворец.

Бабье лето, бабье лето,
Разве я забуду это?
Красноликие леса
Убегают в чудеса...

КОНТРАСТЫ

То он тихо живет. Без затей.
То бушует, как вешние реки.
Сколько ангелов, сколько чертей
Жарко пляшут в одном человеке?!

Сколько в нем и прямого и вкось?
Сколько в нем параллелей упрямых?
Сколько песен в нем вместе сошлось
Самых грустных и радостных самых?

Разве вычерпать душу до дна?
Время в разных встает начертаньях.
Человек — не сплошные тона,
А оттенки. В любых сочетаньях.

Вот и падо на этом пути,
Сквозь контрастную эту фактуру,
В человеке бесстрашно пайти
То, что в нем возвышает натуру.

РЕКВИЕМ

Куда вы деваестесь, мертвые птицы?
Ведь нет у вас кладбищ. И нету могил.
А я бы с цветами пришел к вам. Проститься.
А я бы под музыку вас хоронил.

А я расстелил бы над вами зарницы.
Костры бы зажег на вершине горы.
Куда вы деваестесь, мертвые птицы?
Мне грустно без вашей певучей игры.

Я так вас люблю за отвагу в полете.
За то, что вам крылья сечет высота.
За то, что вы каждое утро поете.
А нынче вас глухо гнетет немота.

Безвестные, вечные, мертвые птицы...
Ведь нет у вас кладбищ. И нету могил.
А я бы цветов накидал вам в гробницы.
А я бы под музыку вас хоронил.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Скоро и осень в дорогу.
Брезжут снега впереди.
К смутному лунному рогу
Стылые жмутся дожди.

Осени ноги босые.
Колется в поле жнивье.
Ветры и тучи косые
В спину толкают ее.

Вечному этому спору
Скоро ли будет конец?
Я не люблю эту пору.
Этого неба свинец.

Эти бездонные ночи.
Эти ужатые дни.
Грустные кромки обочин.
Вырубок черные пни.

И среди елок и сосен,
Вся на сыром сквозняке,
Поздняя, поздняя осень,
С мокрою палкой в руке.

* \ * *

Я живу размашисто. И громко.
Мне бы тише жить — да не могу.
Дай мне, жизнь, дорожную котомку
Да цветов побольше на лугу.

Да еще товарищей отважных.
Да воды живучей. Да огня.
Я еще догнать хочу однажды
Все, что убежало от меня,—

Дальнюю гряду за перевалом,
День, который прожит без следа,
То большое, что осталось в малом,
Так и не раскрывшись никогда.

А дорога круче все. Дорога —
Рвется вдаль, как вешние ручьи.
— Ты бы хоть утишился немного! —
Говорят мне недруги мои.

Нет, хочу открыто жить. И громко.
Не желаю тише. Не могу.

Горизонта трепетная кромка.
Да звезда на утреннем стогу...

МОЯ СИБИРЬ

Анатолию Иванову

Нет, нет, Сибирь — не просто слово.
Не смена верст. Не их повтор.
Нет, тут всему первооснова —
Душа! А уж потом — простор.

А уж потом — земли светанье.
Снежинь. И кедры-крепныши.
Сибирь — не просто расстояние,
А состояние души!

А у нее свои приметы.
Свои цветы. Своя полынь.
И те иргышские рассветы.
И та байкальская глубынь.

И тот размах, что читется свято.
И честь в чести. Таков закон.
И я горжусь, что был когда-то
Сибирской женщиной рожден.

ЗВЕЗДОЧЕТ

Ведь вот какие странности —
Радей им, не радей,
Далекie туманности
Влекут к себе людей.

Презрев земные малости,
(Зачем их брать в расчет!),
Не ведал усталости,
Колдует звездочет.

Согнулся в три погибели
И ночи напролет
По звездам ли, по книге ли
Он странствовать идет.

Он хочет знать, что где-то,
Вот в этот самый миг,
В упрямых муках света
Какой-то мир возник.

И доказать на деле,
От счастья чуть дыша,
Что есть в небесном теле —
Небесная душа.

МЫСЛИ ОБ ОСЕНИ

Летит по осени листва,
Как продолженье естества...

Все на земле меняет цвет.
Уходит тьма. Приходит свет.

И каждый куст, и каждый склон
В урочный час меняют тон.

Идет вращение планет,
А естеству износа нет.

И тихо падает листва,
Как продолженье естества...

Вот желтый лист. Почти сквозной.
А был он зеленью весной.

Сейчас он желт. Сорвался влет.
Он станет черным в свой черед.

Но сколько б так ни длилось лет,
А естеству износа нет...

АЛЕНА

Алена я. Каленая.
На печке не холенная.
На выдумку соленая.
В любви не деленная.

Земная. Не иконная.
По сути всей исконная.

Дурному не поклонная.
Душою не двудонная.

Люблю я души прочные.
Глубокие. Проточные.
Слова люблю я сочные,
Как радуги цветочные.

По мне — работа яркая.
Живу, как песня жаркая.
Не ворожа. Не каркая.
На подлости не маркая.

Земля все шибче крутится.
То путь, а то распутица.
Но вязнет в солнце ступица,
Где на земле мне ступится.

Алена я. Каленая.
На печке не холенная.
На выдумку соленая.
В любви не деленная.

ЧУДО

В горах, где крутые толщи,
Где звезды в седой росе,
Трава пробивает камень.
И вы это знаете все.

Но вы не знаете вовсе,
Как плачут глаза корней,
Как бьется травинка с тьмою,
Чего это стоит ей.

Живет под землей травинка.
Ей выбиться в свет пора.
Но тут на нее садится
Невиданная гора.

Гора на нее садится.
Гнетет молодую статью.
И давит ее. И плющит.
А надо травинке встать.

И здесь происходит чудо,
Которому равных нет:
Трава
Поднимает
Гору
И тихо идет на свет.

Травинка. Малая травка.
Тонкая, как волосок.
Она напрягает тело
И делает в жизнь бросок.

Ей хочется к солнцу. К людям.
К звездам, к седой росе...
Трава пробивает камень.
И вы это знаете все.

СНЕГИНЯ

Снегурка... Нет, снегиня.
Светлейшая душа.
Ах, до чего ж ты ныне
Отменно хороша.

И вовсе не причуда,
Смутившая покой,
Ты из живого чуда
Пришла ко мне такой.

Я знаю дом на Пресне,
Где часто у окна,
Смущая мир окрестный,
Стояла ты одна.

Стояла. И глядела.
На город. На людей.
И не было предела
Пригожести твоей.

А мимо шел тот самый,
Тот, не сводивший глаз,
Тот самый, тот упрямый,
Что был упрямею нас.

Он рисовал повсюду
Тебя. То там. То здесь.
Чтоб ты, подобно чуду,
Прошла сквозь город весь.

И ныне, в дымке синей,
У снежного шатра,
Снегуркой, нет, снегиней —
Стоишь среди двора...

БАЛЛАДА О РЫЖЕЙ ДЕВЧОНКЕ

Умеют ли реки смеяться?
Прикрывшись дымком лозняка,
Однажды над рыжей девчонкой
Всю ночь хохотала река.

То вдруг затихала неожиданно,
То вновь выгибалась до дна.
А что же в девчонке смешного?
И что же тут ищет она?

А может быть, ищет девчонка
Того, с кем рассталась давно?
Но разве над этим смеются?
И так ли уж это смешно?

А речка смеялась. Все громче.
Звенела на сто голосов.
Как будто бы птицы слетались
Из ближних и дальних лесов.

А речка смеялась. От счастья.
Да нет же, совсем не со зла.
А речка смеялась все громче,
А тише она не могла.

И столько в ней удали было,
И так был прекрасен полет...
И вот уже дали светлеют.
И вот уже солнце встает.

И больше не плачет девчонка.
Да тут и заплакать грешно.

...Умеют ли реки смеяться?
Умеют. А это смешно?!

ЧИСТЫЕ ДУШИ

За один лишь век
Выпили сто рек.

Выпили сто рек.
За один лишь век.

Выпили до дна.
А земля — одна.

А земля одна.
От беды темна.

Берега пусты.
Полегли кусты.

Полегли кусты.
Не поют клесты.

Как пришла беда —
Умерла вода.

Умерла вода.
Зажилась беда.

Зарубили лес
До седьмых небес.

Зарубили лес.
Чернобыл полез.

Как нам быть теперь
От таких потерь?

Надо рано встать,
Две звезды достать,

Потрясти рукой
Над живой рекой,

Где мелькнет звезда —
Там чиста вода.

Там живая гладь.
Там и счастье ладь.

А потом, в лесу,
Собери росу,

Положи в ладонь,
Да не пей, не тропь,

В той росе лесной —
Целый мир цветной.

Поколдуй над ней,
А уж после пей.

Ты такую рань
Не тревожь. Не рань.

Ты босой стопой
Говори с тропой.

А чтоб сотни лет
Жил зеленый цвет —

Ты среди полян
Накидай семян.

Пусть растёт росток.
Пусть метет листок.

Пусть пыльца пылит,
Как земля велит.

Чтобы жить вовек
Чистым душам рек.

ЮЖНЫЙ ДЕНЬ

Даже солнцу, наверное, хочется
Искупаться в холодной воде.
Тут такое в жару напророчится,
Что и вовсе не сыщешь нигде.

Тут такое тебе намерещится
В сизом мареве, в зыбком дымке,
Будто лебеди в облаке плещутся,
Будто город плывет вдалеке.

Сочиняет природа без усталы,
То на суше, то в царстве морском.
Ремесло ли все это, искусство ли
В понимании нашем мирском?

А жара наблажит, начудачится,
Разрисует весь мир, как стекло.
Тут душа у природы не прячется.
Слишком солнечно. Слишком светло.

КЛЯТВЫ

Тот, кто пишет о совести
Очень длинные повести —
Тот легко и прекрасно
Отмахнется от совести.

Тот, кто честью своею
Клянется отчаянно —
Тот, наверное, служит
В подручных у Каина.

Тот, кто криком кричит
О своей откровенности —
Тот затянет петлю на тебе
В совершенности.

Тот, кто выше всего
Чтит свои добродетели —
Может сделать добро,
Но всегда при свидетеле.

Тут не жди ничего.
Ни посева. Ни жатвы.

Мне дороже всего —
Молчаливые клятвы.

ВЬЮГА

Этой ночью Баковку
Занесло по маковку.

Шел буран по крыше.
Или еще выше.

Побелела улица.
Не дай бог, застудится.

Всполошилась вьюга,—
Видно, сбилась с круга:

— Отоприте две-с-е-ери...
Люди вы или звери?

Дайте мне погреться!
Или вы без сердца?

Тычется. Стучится.
Белая волчица.

Я спросил подругу:
— Пожалеет вьюгу?

Вон как пынче Баковку
Занесло по маковку.

ТАЙГА

На речке Тяне,
На речке Токко
Волна тиранит
Наш плот жестоко.

В три пальца свинцем.
Орем безбожно.
Тут прямо днищем
О камень можно.

Тут в дебрях кедра
Бедуют тигры.

Играют педра
В шальные игры.

То встанут кручи,
А то овраги.
Тайга все круче
Меняет флаги.

Взмахнет зеленым,
А после синим,
Таким студенным,
Глидим и стынем.

Мы ищем клады.
Мы режем сопки.
Идут баллады
По нашей тропке.

Баллада ветра.
Звериной жуты.
А мы всё в педра.
Всё к самой сути.

А нас все тянет
Сюда жестоко,
Вдоль речки Тяни,
Вдоль речки Токко.

ЗАПОВЕДНОЕ

На скрещенье каких неизвестных дорог
Человек
 произносит
 последний
 зарок?!

Я еще не постиг этих тайных примет,
Этих — мне неизвестных — широт и долгот.
Сколько жить мне еще? Может, век? Может, год?
Будут сумерки плыть? Или будет рассвет?
Или в белом, игольчатом блеске ракет
Синеватый осколок меня разорвет?!

Умирать не хочу. Страшен смертный порог.
Но и смерти своей на миру — не страшусь.
За войну исходивший немало дорог —
Я совсем не герой, но и вовсе не трус.

И уж если придется когда-нибудь мне,
Задыхаясь, упасть у последней строки —
Чем хорошим, в родимой моей стороне,
За беседой помянут меня земляки?!

Да и вспомнят ли? Может, пройдут стороной?
Да и надо ли им вспоминать обо мне?
Где я был? Где я плыл? Что случилось со мной?
На какой меня в жизни качало волне?

Ну, а если им все-таки выйдет черед
Добрым словом меня на миру помянуть —
Пусть к ним песня моя по-соседски придет
И кому-то на расстанях выветит путь.

ОДНОЦВЕТЬЕ

Что ни делай, куда ни день,
Так уж водится в этом мире:
На две минуты уменьшился день,
потом
еще
на четыре.

Потом еще. И еще. И вдруг —
То, что было ярким, несметным,
Сбилось, сузилось в черный круг
И сделалось одноцветным.

Поздняя осень... Сломанный луч.
Я не люблю эту стылую пору.
Катит свинцовость набухших туч
По небесному косоугору.

Катит безвременье дней и ночей.
Все безучастно. И словно размыто.
И сам ты какой-то пенужный. Ничей.
И вот уже лето как будто забыто.

Хоропится свет. За леса. За дома.
Срываются ливни в небесные створы.
Но скоро сквозь черное грянет зима
И светом в замолкшие хлынет просторы.

А вслед за зимою ворвется весна.
А вслед за весною раскатится лето.
И вот уже даль ни темна, ни тесна.
И хочется жить в ожидании света.

ДЕЙСТВИЕ

У судьбы не требую уступок.
Не винюсь ни в чем перед судьбой.
Главное на свете — есть поступок.
Действие, рожденное тобой.

Не пустопорожнее гаданье.
Не словесный дождичек во мгле.
Главное на свете — есть деянье.
Вот что остается на земле,

Памяти Константина Симонова

Год юбилеев. И кончин.
Где тут барьер? И где граница?
И косит, косит смерть мужчин,
И все ей не остановиться.

Ей мало было на войне?
Холмит дороги где попало.
О сколько в каждой стороне
Она земли перекопала!

Куда ни ступит — там темно.
И чью-то жизнь уже сломало.
И — вот ведь — нет войны давно,
А все ей мало. Все ей мало.

Иль в сердце каждого из нас
Живет замедленная мина,
Наступит день, наступит час —
И грянет взрыв неотвратимо?!

Друзья редуют... Где конец?
Зову, зову... И нет ответа.
О молчаливость их сердец,
О эта каинова мета...

Нам оставляют журавли
Свой след, прочерченный крылами,
Не в умозрительной дали,
А вечно, вечно, рядом с нами.

ЛЕТОПИСЕЦ

Люблю встречаться с полем на рассвете.
Вникать в перворождение бытия.
Я летописец — я пишу о лете.
Да, да, о лете — летопись моя.

А лето нынче тихое такое,
Как будто так и было ископо.
И в этом непритворстве и покое
Есть что-то от былин. И от икон.

А я ищу не тихого привала,
А я хочу — покою вопреки,—
Чтоб в каждой ветке музыка играла
И лешие плясали у реки.

Чтоб громко пели птицы на рассвете,
Чтоб ликовали краски бытия...
Я летописец — я пишу о лете.
Да, да, о лете — летопись моя.

СВЕТ В ОКНЕ

А за окошком лютый снег.
И свищет ветер ледовитый.
Не пустодомный человек —
Я доверный. Домовитый.

Я рад, что я вхожу, поверь —
С какой-то радостью первичной —
Все в тот же дом, все в ту же дверь,
Все той же лестницей привычной.

Стою у окон голубых.
Здесь все приметно. Все знакомо.
Меня и в странствиях любых
Не покидает чувство дома.

Оно со мной. Оно во мне.
И утверждение. И сила.
И я все вижу свет в окне,
Куда б судьба ни заносила.

Он все летит ко мне, как вестъ.
Сквозь даль. Сквозь гул аэродрома.
И дивно знать, что вечно есть
Твой дом. И ожиданье дома.

СОРОКА

Лес, до выдумок охочий,
Разузорился с утра.
День сорочий... День сорочий...
Черно-белого пера.

И откуда-то, откуда,
Вдруг взлетит под синевой,
Что за птица, что за чудо,
Что за промельк световой?!

Я глядеть могу без срока,
Как, весь лес исколеса,
На сосне сидит сорока,
Светом

выточена

вся...

СНЕГ

Бывает, что по году ждешь погоду.
А то, бывает, встречи ждешь по году.

А то еще и счастья ждешь годами.
А счастье-то? За лесом? За садами?

За тучей? Да за кручей? За рекой?
За той, за ненаписанной, строкой?

А ты все ждешь. А тут погасло лето.
Сквозят леса. И осень рядом где-то.

И тянут прыжку длинные дожди.
А ты все ждешь. А ты все жди-пожди.

А сколько ждать? А это — как когда.
Кому — мгновенье. А кому — года.

Кому — нисколько. А кому — весь век...
А ты все ждешь. Все снег идет да снег.

ПРИМЕТЫ

Тупых лучей толока
На влажном сквозняке.
Оттаявшее око
Речушки в лозняке.

Вороны от надсады
Картавят по слогам.
И рыхлые посадки
Снегов по берегам.

Пошла белеть берёста,
Сползает снег с куста.
Считает дятел дѣста,
Потом опять до ста́.

Шальных ветров ватага
Булнит по лесам...
И огненная брага
У солища по усам.

КОРЫСТЬ

Скупые платят дважды. Так и знай.
И не скупись. И не держи корысти.
Ведь как ее потом ни заклинай,
Как ни рядись в спасительные мысли —

Корысть себя окажет. В пужный срок.
Потребует доплаты, как расплаты.
Все мало ей. Все больше надо. Впрок.
Ей прежние одежды маловаты.

За все возьмет. Загонит паповал.
Получит за провал и за успехи.
А ты недоедал. Недопивал.
Был скуп на доброту. И на утехе.

Терял себя. Потерь не перечесть.
Гонялся за корыстью до упаду.
Скупые платят дважды. Так и есть.
И поделом. И прочь от них пощаду.

ПРИЗНАНИЕ

Я в апостолы не рядился.
С хитрым чертом не вел игру.
Я на этой земле родился
И на этой земле умру.

Не тщедушный сверчок за печкой,
Не пичужка в промокнувшей мгле —
Я хотел бы прозрачной речкой
Пробежать по родной земле.

Будет утро звенеть осокой.
Распрямится земная стать.
Я хотел бы горой высокой
В пограничном районе встать.

Окруженный цветным раздольем,
Благодарный любви людской,
Я хотел бы пшеничным полем
К горизонту припасть щекой...

ПОМИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я Брест. Я стою обожженный.
Я быюсь за солдатскую честь.
И нету здесь, нету сраженных,
Здесь только убитые есть.

Мой дом окружен и отрезан.
Мне трудно. Опять и опять.
И если не хватит железа —
Я буду камнями стрелять.

Сквозь гиблую бурю огня,
Сквозь смертную эту свирепость,
Я крепость.
Я крепость,
Я крепость,
Потомок — ты слышишь меня?!

Вот с этого самого места,
Прощальную встретив зарю,
Я крепость,
Я крепость,
Из Бреста
Сегодня с тобой говорю.

Здесь матери наши. И дети.
Здесь нету ни ночи, ни дня.
Но кто еще нынче на свете
Сильнее и крепче меня?!

И пусть моя доля сурова,
Я вижу за тысячью звезд —
Я крепость,
Я крепость,
Я снова
Встаю перед временем в рост.

НОЧЬ

Что-то мне опять не спится.
Синеву скребет звезда.
И зачем сегодня птица
Всё считает мне года?

То притихнет. То сначала.
То собьется. Нечет. Чет.

Ты бы, птица, помолчала,
Не брала меня в расчет.

Я еще — ведь вот досада —
Не сказал всего, что мог.
Не считай года. Не падо.
Не соли моих дорог.

И на что тебе сгодится
Эта самая беда?
А не то я стану, птица,
И твои считать года.

Будет сыро. Будет звездно.
Будет ночь вершить круги.
Улетай, пока не поздно.
Тишину побереги.

ЭПИТАФИЯ

Здесь спит поэт, не ведавший грехов.
Стихи не грех, когда в них нет стихов!

НАПОМИНАНИЕ

Королевой когда-то слышная,
Поднимавшая песни влет,
Ты какая-то очень бывшая,
Вся истаявшая, как лед.

И хоть бродит гримаска милая
На лице твоём столько лет —
Время шло, никого не милоя,
Крася русое в белый цвет.

Сколько было улыбок розданных,
Песен, сложенных в честь твою,
Но все меньше и меньше подданных
Оставалось в твоём краю.

Стал огонь холоднее в доме.
Лето стало давно зимой.
Это все замечали, кроме
Разве только тебя самой.

Все проходит. И быль. И сказки.
Может холмиком стать гора.
Если цвет свой меняют краски,—
Значит, время пришло. Пора.

БЕЗДЕЛЬЕ

Не хожу я к безделью в гости.
За него я не дам гроша.
От безделья ржавеют кости.
От безделья болит душа.

От безделья мельчает мера.
Горизонты вмерзают в лед.
И в какой-то истоме серой
Неподвижность души живет.

И от этого день напрасен.
Ширь беззвучна. И даль слепа.
За окошком засохнет ясень.
За порогом умрет тропа.

Тощий колос раскинет руки.
Загуманится дом тоской.

И придут в изумленье внуки
От такой наготы людской.

Нет, не звал я безделье в гости.
За него я не дам гроша.
От безделья ржавеют кости.
От безделья болит душа.

ИЗ ДНЕВНИКА

Клянущ себя за многое,
За то, что на пути
Я часто слово строгое
Старался обойти.

Клянущ себя за многое,
За то, что в некий день
Неприбранной дорогою
Ко мне подкралась лень.

Клянущ за многое,
За то, что — вот беда! —
Я в песенку убогую
Влюблялся иногда.

Клянущ себя за многое,
За то, что мне назло
Притворство мягконогое
Войти в мой дом смогло.

Клянущ себя за многое,
За то, что в трудный час
Я гладкое, пологое
Предпочитал не раз.

СЕРОСТЬ

Серость — пыль человечества.
По обыкновенным мерам.
Ты прости мне, Отечество,
Если в чем-то был серым.

Если вырядил в платину
Серость мысли и чувства.
Ненавижу серятину —
Мне до крайности грустно,

Мне до ужаса больно,
Мне неммыслимо страшно,
Коль гремел колокольно
Очень сереньким маршем.

Но всего мне страшнее,
До слезы, до удушья, —
Над забытой трапезей
Серый флаг равнодушья.

ХЛЕБ

Михаилу Алексееву

Зябь... Это значит — поля озябли.
Зябь... Это зябко самой земле.
Зябь... Это птица замерзла. Зяблик.
Тоненький луч на косом крыле.

Зябь... А ведь надо по этой зяби
Пласт отвалить, размыкая круг.
А тут еще тучи разверзлись. Хляби.
А тут еще ветер сечет вокруг.

Вот так пахари!
Вот так ухари!
Так от-а-хали,
Так от-у-хали.
Уж не чудо ли?
Где вы вицели
Столько удали —
Столько выдали!

Зябь... Это значит — поля озябли.
Зябь... Это зябко самой земле.
Зябь... Это птица замерзла. Зяблик.
Тоненький луч на косом крыле.

Хлеб! Хлеб! Хлеб!
Что в жизни святее хлеба?
Только сама земля
Под желтой ковригой неба.

ПРЕДДВЕРИЕ

Деревья были тощими.
Был на исходе март.
Был галочий над рощами
Рокочущий азарт.

Неслись лучи — не густо ли?
И днями напролет
Земля пила без устали
Самочистейший лед.

Жила вода в проталинах.
В корнях копился хмель.
А где-то, весь в подпалинах,
Уже бежал апрель.

И много снега ломкого.
И в эту непролазь
Томленью леса громкого
Душа отзывалась.

ДОРОГА

Все кончается. Даже дорога.
А казалось — не будет конца.
Родилась у родного порога,
А умрет у чужого крыльца.

И была она громом булыжным.
И была она тише травы.
По далеким краям и по ближним
Я прошел, не склонив головы.

Ты меня приучила, дорога,
Где бы ни был, в любой стороне,
За грехи мои взыскивать строго,
А за хмурую святость — вдвойне.

Не ханжа и не праздный гуляка,
Сколько верст я прошел по тебе.
А уж драка случалась — так драка,
До кровавых зарубок в судьбе.

Пусть же вечно у дальнего луга
Мне поет на рассвете труба...
Все кончается. Даже дорога.
Не кончается только судьба.

ВЕЧНАЯ ТЕМА

Войны начинаются внезапно.
Ходит по границе тишина.
А потом обвал. И сразу пятна.
Красные. И — вот она — война!

Вот она — гремучая, шальная,
Вся в лоскутках дыма и огня,
Землю под железо подминая,
Целится ракетами в меня.

Падаю. И поднимаюсь снова.
Падаю. И вновь бегу. Бегу.
И все меньше теплого. Живого.
Мертвецы чернеют на снегу.

Жрет огонь убитые деревья.
А погибель целится в меня.
И висит распятая деревня
На гвоздях прицельного огня.

Отступись, погибель, сделай милость.
Мертвый я? Или еще живу?
...Ты зачем, война, опять мне спилась?
Ни во сне б тебя. Ни наяву.

ЗИМНЕЕ

А я все гладил снег рукой,
А он все звездами отвечивал...
На свете нет тоски такой,
Которой снег бы не излечивал.

Живет он в белом шалаше,
Колдует там необычайно.
Ах, этот снег.... В его душе
Всегда какая-нибудь тайна.

То станет жестким, будто лед.
То все заткет суровой пряжей.
А то вдруг крыльями взмахнет
И — вот он — легкий да лебяжий...

Летит... Летит... Лови его.
Губами. Горстью. Без оглядки.
Гляди на это волшебство —
Как он с землей играет в прятки.

Как затаится вдруг. Немой.
Как петь начнет. А то засвищет.
Ни по кривой, ни по прямой,
Никто и следа не отыщет.

И снова добрый. И простой.
И просветленный весь. И новый.
Омою душу чистотой.
И прямою его суровой.

Он весь как музыка. Он — весть.
Его безудержность бескрайна.
Ах, этот снег... Не зря в нем есть
Всегда какая-нибудь тайна.

НЕОЖИДАННОСТЬ

Перед тем как солнцу
Скрыться в облака —
Пробежит по синему
Красная строка.

Перед тем как грому
Падать с высоты —
Бросит с неба молния
Желтые цветы.

Перед тем как морю
Грянуть в берега —
Ветры суматошные
Ринутся в бега.

Перед тем как рухнуть
На могильный склон —
С губ березы раненой
Оборвется стон.

А вот как подкралась
К нам с тобой беда —
Не узнать нам этого,
Видно, никогда...

* * *

Дом пустеет, когда тебя нету.
Стынут стены. Сдвигается стол.
Окна тянутся створками к свету.
И от горя шатается пол.

Каждый угол разлукой распорот.
Даже дверь холодна, будто лед.
Скоро сумерки лягут на город.
И еще один вечер придет.

Я зову не к суду, не к ответу.
Пусть минует нас эта беда...
Дом пустеет, когда тебя нету.
Стены стынут. И плачет вода.

СПУТНИЦА

Мне давно написать бы об этом,
Как в лесном неоглядном краю
По каким-то подспудным приметам
Нахожу я березку свою.

Высока. И не очень ветвиста.
В запоздалой небойкой красе.
И не так уж она и казиста.
И быть может, не ярче, чем все.

Но ведь что-то же есть в ней такое,
Тот подспудный особенный лад,
От которого нет мне покоя,
Как от старых крестьянских баллад.

Вот стоит она — эта березка.
И не так уж приметна на вид.
Все в ней трепетно. Все в ней неброско.
Все в ней просто. А дуну щемит...

Опушенная утренним светом,
Легкой тенью припала к ручью...
Мне давно написать бы об этом,
Как нашел я березку свою...

ИДУ К ТЕБЕ

Как только день закатится
За выступ голубой —
Хочу, моя вечерница,
Сумерничать с тобой.

Хочу, чтоб по-домашнему,
У синего огня,
В глубоких туфлях войлочных
Стояла тишина.

Хочу, чтоб законные
Погасли фонари...
Ты мне про то, что сбудется,
Негромко говори.

Негромко. И несуетно.
Слова не торопя.
Чтоб только двое слышали.
Чтоб только ты. И я.

А то ведь в спешке уличной,
В разбежке городекой
Так иногда соскучишься,
Что мочи никакой.

Вот только день закатится
За выступ голубой —
Иду, моя вечерница,
Сумерничать с тобой.

ЧЕЛОВЕК

Человек — он ведь тоже природа.
Он ведь тоже закат. И восход.
И четыре в нем времени года.
И особой в нем музыки ход.

И особое таинство цвета,
То с жестоким, то с добрым огнем,

Человек — он зима. Или лето.
Или осень. С грозой и дождем.

Все вместил в себя. Версты и время.
И от атомных бурь не ослеп.
Человек — он и почва, и семя.
И сорняк среди поля. И хлеб.

И какая в нем брезжит погода?
Сколько в нем одиночеств? И встреч?
Человек — он ведь тоже природа...
Так давайте природу беречь.

РУССКАЯ ДУША

А что такое русская душа?
Пугливая она? Или хоробрая?
Идет бунтарь на плаху не снеса
И говорит:

— Простите, люди добрые! —

Потом, со смертью встретившись в упор,
Он не творит молитву покаянную,
А за мечту ложится под топор
И принимает муку окаянную.

А что такое русская душа?
Мятежная она? Или степенная?
Летит Гагарин, высоту круша,
И на его плечах лежит вселенная.
Он потому так звончато крылат,
Что суть его душевного размаха
Настроена в нем на высокий лад.

А высота

ни в чем

не терпит

страха.

Весной, в разливах, Волга хороша.

И это тоже

русская

душа...

БЕРЕГА

Зачем берега океану?

А вдруг их не будет? Тогда —

Как зыбкая тень по экрану —

Начнет расползаться вода.

Забыв океанские глубины,

Раздастся вода в ширину.

И рыб пересохшие губы

Прильнут к обмелевшему дну.

Растекшийся весь по разводам,

Замрет океан навсегда.

И станет он немощным бродом.

И тонкою станет вода.

...Когда я от лесты хмелею

И радую сердце врага —

Я тоже мельчаю. Мелею.

И рушу свои берега.

ДОБРОТВОРЦЫ

О добротворцы за казенный счет!
Я знаю вас. Таких умильных. Кислых.
Спят ангелочки на устах отвиселых.
И доброта, как дождик, с вас течет.

Ах, вы такие, право, добряки!
Не тяжело вам быть всегда хорошими?
И спины гнуть под ангельскими ношами?
И воровать у правды медяки?

На них вы покупаете билет
И едете в хорошее. В добрейшее.
Искусство ваше — существо древнейшее:
Ему от Иисуса тыщи лет.

Вы все творите пышное добро.
За доброту любой из вас увенчан.
А вы б смогли за лучшую из женщин
Бестрепетно отдать свое ребро?!

О добротворцы за казенный счет!
Я знаю вас. Таких умильных. Кислых.
Спят ангелочки на устах отвиселых.
И доброта, как дождик, с вас течет.

* * *

Я о примете говорю:
К дождю ворона хохлится.
И по сквозному сентябрю
Бредет под дождик рожица.

А по-над рощицей галдеж.
И галочья сумятица.
И тот галдеж не обойдешь,
Он будто с горки катится.

И вот он — дождик: тук да тук!
То хлещет вкось, то кружится.
Уже замкнулась в серый круг
Пузырчатая лужица.

Дымится дождик обложной,
То он большой, то маленький,
То вовсе смирный, то блажной,
А то немножко пьяненький.

Я о примете говорю:
К дождю ворона хохлится.
И по сквозному сентябрю
Бредет под дождик рощица.

МЕЧТА

Я не мчался к диковинным странам,
Не искал на Гаити невест,
Не блуждал по морям-океанам
Ни на зюйд, ни на норд, ни на вест.

Не садился я в лодку-пирогу,
Развернув на восход паруса,
Не пускался по джунглям в дорогу,
Чтоб войти на заре в чудеса.

Но томит меня каждое утро,
Детской сказкой ко мне прилетев,
— Браманутра моя! Браманутра! —
Странной песенки странный напев.

И хоть нет ее вовсе в природе,
Той, придуманной мною, земли,
— Браманутра! — кричу я! — И вроде
Вижу что-то цветное вдали.

Я лечу туда каждое утро,
Ведь у каждой души на счету
Есть, наверно, своя Браманутра —
Как пароль перед входом в мечту.

ПРОЗОРЛИВОСТЬ

Беду — руками разведу.
Тут надо загодя, до срока,
Уметь предчувствовать беду,
Когда она еще далёко.

И пусть она уже в пути
И прячет след за поворотом,
Не дай ей к дому подойти,
Не подпускай ее к воротам.

Она прикинется святой.
И доброй. В озаренье алом.
Но у нее под добротой
Змееныш с вытянутым жалом.

Нет, чтобы с жизнью быть в ладу —
Ты должен загодя, до срока,
Уметь предчувствовать беду,
Когда она еще далёко.

РЕКА

Видно, это с корнями завещано,
Видно, это уже на века...
Он любил эту реку, как женщину,—
До любого ее завитка.

Он любил ее яростно, истоиво,
Под распев камышинных смычков,
За разлив ее голоса чистого,
За студеную влажность зрачков.

И, любовь эту звончато празднуя,
Он дарил ей соцветья костра
И за то, что она синеглазая,
И за то, что всем звездам сестра.

Сколько их отразилось, уменьшенных,
В глубине, подсиненной слегка...
Он любил эту реку, как женщину,—
До любого ее завитка.

О ЛЮБВИ

Любить всегда? А можно ли?
А хватит ли огня?
Ни разу клятвой ложною
Не опечалить дня?

Связать себя порукою?
От сердца к сердцу нить?
И ни одной разлукою
Сердец не леденить?

Любить всю жизнь? А надо ли?
А чем крепка любовь?
Случалось, горы падали
И будут падать вновь.

А тут? Всю жизнь? Да полноте!
Да это что? Зарок?
Да ведь об этом — помните —
В легендах только. Впрок.

А тут? Такою мерою?
И чтоб годов не счесть?
И все-таки я верую.
Есть однолюбь. Есть.

Живут их души в трепете,
Как звезды над рекой...
Еще я слышал: лебеди —
Верны любви такой.

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК

Маленький приморский городок —
Детище охришнего причала,
А какой пошел тебе годок?
А тебя волна не укачала?

Связать себя порукою?
От сердца к сердцу нить?
И ни одной разлукою
Сердце не леденить?

Любить всю жизнь? А надо ли?
А чем крепка любовь?
Случалось, горы падали
И будут падать вновь.

А тут? Всю жизнь? Да полноте!
Да это что? Зарок?
Да ведь об этом — помните —
В легендах только. Впрок.

А тут? Такою мерою?
И чтоб годов не счесть?
И все-таки я верую.
Есть однолюбь. Есть.

Живут их души в трепете,
Как звезды над рекой...
Еще я слышал: лебеди —
Верны любви такой.

МАЛЕНЬКИЙ ГОРОДОК

Маленький приморский городок —
Детище охрипшего причала,
А какой пошел тебе годок?
А тебя волна не укачала?

Нет, чтобы с жизнью быть в ладу —
Ты должен загодя, до срока,
Уметь предчувствовать беду,
Когда она еще далёко.

РЕКА

Видно, это с корнями завещано,
Видно, это уже на века...
Он любил эту реку, как женщину,—
До любого ее завитка.

Он любил ее яростно, истоиво,
Под распев камышинных смычков,
За разлив ее голоса чистого,
За студеную влажность зрачков.

И, любовь эту звончато празднуя,
Он дарил ей соцветья костра
И за то, что она синеглазая,
И за то, что всем звездам сестра.

Сколько их отразилось, уменьшенных,
В глубине, подсиненной слегка...
Он любил эту реку, как женщину,—
До любого ее завитка.

О ЛЮБВИ

Любить всегда? А можно ли?
А хватит ли огня?
Ни разу клятвой ложною
Не опечалить дня?

МЕЧТАТЕЛЬ

Улица называлась Планетной.
А была она маленькой. Маленькой.
Попросту — незаметной.
Домик один. С завалинкой.

Еще никто не летал к звездам.
Еще космолет казался химерою.
Еще не мчался сигнал сквозь роздымь
Для встречи с Марсом. Или с Венерою.

Еще кто-то мечтал порой рассветной
Заглянуть без страха в глаза Вселенной...
А улица уже называлась Планетной.
И была она маленькой. И обыкновенной.

ПОСРЕДИ РАССВЕТА

Я стою посреди рассвета.
Я встречаю рождение дня.
Каждый раз ощущенье это
От напасти хранит меня.

Все случалось в дороге длинной.
Прямо в душу снега мели.
Но вставал в правоте былинной
Повелительный свет Земли.

И тогда — раздвигая створы —
Шел рассвет, освещая путь.
И слетали с души затворы,
От которых болела грудь.

Говорят, что у твоей гряды
(Может, это сказки, может, были!)
Аргонавты скрылись от беды,
А потом назад уплыть забыли.

И поднялся домик на горе.
И качнулся дым на перекате.
Может, это было на заре.
Может, это было на закате.

Маленький приморский городок,
Вот опять я о тебе сначала,
Чтоб, глотая солнечный медок,
Песенка твоя не отзвучала.

Сколько ты загадок ни таи,
Но зато всегда в любые сроки
Улочки цветастые твои
Очень уж бывают синиеки.

Это оттого, что в мир живой
Выбежали улочки, как дети,
Да и захлебнулись сицевой,
Яблоневым ветром на рассвете.

Маленький приморский городок,
Детище окрипшего причала.
А какой пошел тебе годок?
А тебя волна не укачала?

Есть давно у меня примета:
Если что-то гнетет меня —
Надо встать посреди рассвета
И поверить в рожденье дня.

СПЛЕТНЯ

Перед сплетней лихой
Не склонив головы —
Оградим наших жен
От хулы. От молвы.

От поганных наветов.
От злого слушка.
От гадюки,
Что жалит исподтишка.

От отравного хлеба.
От горькой воды.
От горючей, плакучей,
Кромешной беды.

Сколько было размолвок.
И сколько смертей.
Криворотого зла.
Ликовавших чертей.

Сколько было на свете
Разбитых сердец.
Будь ты проклят, писец.
Анонимный писец.

Перед сплетней лихой
Не склонив головы —
Оградим наших жен
От хулы. От молвы.

ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

- Стой, кто идет?
— Это мы! Облака!
- Стой, кто идет?
— Это я! Ветер!
- Откуда идете вы?
— Издалека.
- Где же вы были?
— На всем белом свете.
- Как вам гулялось?
— И прямо. И вкось.
- Что повидали?
— И много. И мало.
- Видели радость людскую?
— Пришлось.
- Горе людское?
— И это бывало.
- Долго ли плыть вам?
— Плывем не спеша.
- Трудно ли вам?
— Устаем понемногу.
- Как вам земля с высоты?
— Хороша.
- Переночуете?
— Нет, мы в дорогу.—
И, ветром колеблемые слегка,
За дальние дали ушли облака...

ТВОРЕНИЕ

Землю корнями взрыв,
Лицом обратившись к югу,
Клен — как зеленый взрыв —
Утром потрясе округу.

Молвит земля:

— Гряди!

Как тут тебе? Не худо?

Солнце, снега, дожди

Нянчили это чудо.

Всех перерос окрест.

Стал он вздыхать все чаще.

Скоро к нему невест

Лес приведет из чащи.

И, устремленный в сень,

В ясные зори, в лето,

Зеленоглазый сын

Встанет с ним рядом где-то.

СЕРДЦЕ

Зачем так бывает, скажи?

Нас двое — и нету роднее,

А точим и точим ножи,

Чтоб сделать друг другу больнее.

Такие мастачим слова,

Такие пророчим напасти,

Что падает навзничь трава

И колется камень на части.

Сгущаются тучи. Темно.

Домашняя речка порожит.

А сердце? А разве оно

Все выдержит? Все переможет?

А разве ему вмоготу

Рубцы этой боли кромешной?

Все ищем свою правоту.
Все раним обидой поспешной.

Не ведаем сами порой,
Как все это зло и жестоко,
А тешимся бранной игрой
И старим друг друга до срока.

* * *

Я люблю, когда поэты
Пишут грустные стихи...
Не сбываются приметы.
Не прощаются грехи.

И снега всюду покаты.
И лесов раздетых рать.
Что-то зимние закаты
Стали быстро догорать.

А вдали, на снежной воле,
На какой-то там версте,
Все гадают ветер в поле
На березовом листе.

Повернет его направо,
И налево повернет.
Галок грозная орава
На речной садится лед.

Посиди, послушай, птица,
Сказку, правде не в укор:
Хорошо б сейчас влюбиться,
Январю наперекор.

Может, сбудутся приметы?
И забудутся грехи?

Я люблю, когда поэты
Пишут грустные стихи...

РАЗГОВОР С КРИТИКОМ

Мой милый критик симметричный,
Вспахав словесные поля —
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

Чему ты молишься, однако?
Что ненавидишь от души?
Ты так, ты сяк, ты эдак. Всяко.
И те, и эти хороши.

За что ты ратуешь открыто?
Куда ведешь свои мосты?
Ты хвалишь то, что именито,
Что знаменито — хвалишь ты.

А как с открытиями? Да просто.
Закрыв глаза. И был таков.
И кто там есть какого роста —
Тебе ль до этих пустяков?!

Ты проживешь за толстой дверью.
Тебе — что дождь идет, что снег.
Но есть другие — я в них верю,—
Они напишут этот век.

А ты, мой критик симметричный,
Вспахав словесные поля —
Скажи, где знак твой пограничный?
И где она — твоя земля?

ГРУЗИНСКИЙ МОТИВ

У меня Сандро есть — друг прекрасный.
Человек хороший. Но опасный.
Ты его чуть-чуть случайно тронь —
Искрами стрелять пойдет. Огонь.

Руки побегут. Глаза заблещут.
И слова — подряд, подряд, подряд..
Нет, такие в спорах не клеветают,
А в лицо всю правду говорят.

Тамада великий. Греховодник.
Чародей застолья и бесед.
Женщин необузданный угодник.
Верный друг, каких на свете нет.

Я тебя люблю, Сандро, недаром.
Твой народ мне тоже по нутру.
Ах, Сандро! Твоим душевным жаром
Небо зажигать бы поутру.

ПРОМЕЛЬКИ

Гляжу из поезда в окно.
Березы едут вместе с нами.
И поле едет вместе с нами.
И птиц на нем полным-полно.

Гляжу из поезда в окно.
Разлуки едут вместе с нами.
И встречи едут вместе с нами.
И кто-то ждет давным-давно.

Гляжу из поезда в окно.
Дорога едет вместе с нами.
И небо едет вместе с нами.
И время едет. Заодно.

ЗАГАДКА

Есть на свете разные науки,
Но хочу спросить я у наук:
— Кто мне скажет, как лечить разлуки?
Как спасти мне душу от разлук?

Где она таится — эта сила,
Посреди лесов или полей,
Чтоб разлуку ветром отнесила
От моей души и от твоей?

И сказал мудрец на эти речи,
Чтя свою пророческую честь:
— Если что-то ищут в каждой встрече,
То ведь и в разлуке что-то есть...

ЛЕС

Вот стою перед березой.
По щекам бежит слеза.
Я, наверно, тонкослезый.
Так устроены глаза.

Что глаза! А сердце что же
Перед этой красотой?
Как по белой-белой коже
Скачет дятел золотой.

Это он — волшебник местный,—
Сторожа свои леса,
Побуждает мир окрестный
Раньше встать на полчаса.

А над ним весна в зените.
Солнце падает с небес.
И в его цветастой свите
Впереди
 шагает
 лес.

ЛОШАДЬ

Это было в полночь. В пятницу.
Лес был тучами накрыт.
На ветру скрипело дерево.
Лошадь плакала навзрыд.

Лошадь плакала отчаянно.
Волки спрятались в нору.
Ты слышал, как плачут лошади
В чистом поле, на ветру?

Лес да поле. Темень лотая.
Ни звезды. Ни табуна.
И бредет по этой темени
Лошадь белая. Одна.

Отчего ей нынче плачется?
Что там в поле, впереди?
Ноги тонкие стреножены.
Колокольчик на груди.

Колокольчик больно тычется.
Колет сердце:

— Динь! Динь! Дон! —

Это — чтобы ей не вздумалось
За звездой уйти вдогон.

Колокольчик хлещет звонами,
Сторожит ее в пути.
Это — чтобы ей не вздумалось
От хозяина уйти.

Вот и ноги ей стреножили.
Зыбкий звон зудит. Беда.
А она и так, без этого,
Ну куда уйдет? Куда?

Сердце полнится обидою.
И трава горчит во рту.
Вот и плачет лошадь белая.
В чистом поле. На ветру.

СЕЗАМ

Сезам, откройся! Слезам откройся.
Душе откройся. Меня не бойся.

Чужому счастью, чужому чуду
Я не завистник. И брать не буду.

Чужого лада, чужого клада
Сверкает россыпь — а мне не надо.

Нет, в этой жизни ищу я сроду
Свои зачины, свою природу.

Хотя б пылинка, хотя б былинка,
Пусть не былина, а лишь былинка.

Но та былинка — моя кровинка,
От сердца к сердцу моя тропинка.

Сезам, откройся! Слезам откройся.
Душе откройся. Меня не бойся.

ПОГОДА

Да разве кто переиначит
Приметы? Нынче ли? В былом?
Щербится месяц. Птица плачет.
Пошла погода на излом.

Пошла, поехала погода.
Ее попробуй удержи!
Ведь все коварней год от года
Ее лихие виражи.

Роняя снежные лепнины
(Была зима? Иль не была?),
Стволы почесывают спины,
Пожмуриваясь от тепла.

Бегут потеки по коре...
А дело было в январе.

ОЖИДАНИЕ

Ожиданье — это страданье.
Это тяжело — все время ждать.
На кофейной гуще гаданье.
Год гадать. Или два гадать.

Что там кроется за грядою?
Что там прячет свои следы?
То ли черное, да с бедою.
То ли светлое, без беды.

С чем судьба мне сулит свиданье?
Сколько мимо промчится лет?
Ожиданье — это страданье.
Либо сбудется. Либо нет.

Ожиданье — оно как гири.
Ждешь-пождешь. А оно не впрок.
Я за то, чтобы в этом мире
Все всегда приходило в срок.

ЗАПОВЕДЬ

О земле. О ней. Не по наказу.
Мне ее любить. И мне судить.
Кто на землю не упал ни разу —
Сроду не научится ходить.

Я об этом. О земле. О вечной.
Мне она все ярче с каждым днем.
Припади к ней сирий и увечный
И ступай шагать богатырем.

Нет, не по накатанной дороге,
Нет, не через розовые дни,
А через щербатые пороги,
А через колючие плетни.

Все приму. И вёдро. И ленастье.
Умный ходит в жизни налегке.
Оттого, что истинное счастье —
С подорожным посохом в руке.

ЧЕСТНОСТЬ

Я не просто за честность —
Я за смелую честность.
За такую, которой нужна
Повсеместность.

И не надо укрытий.
И не надо привала.
Я за то, чтобы честность
Всегда воевала.

Не смиренная честность.
И не заповедь бога.
А солдатская честность —
Она не полога.

Не накатана с блеском.
Не кивок угожденья.
Честность — это всегда
Вертикаль восхожденья.

Восхождение к признанью.
И к открытому бою.

Восхождение к уменью
Оставаться собою.

Я не просто за честность —
Я за смелую честность.
И да здравствует в мире
Ее повсеместность!

МЫСЛЬ

Будут в жизни загадки праздные —
Ты всеильно гони их прочь.
Мысль и вымысел — это разное.
Это, в сущности, день и ночь.

Есть у вымысла ломкость жеста.
Очень злая влюбленность в тьму.
Там, где мыслям — и честь, и место,
Там и вымысел ни к чему.

Все однажды приходит к сроку,
Чтобы истиной стать самбй.
Там, где вымысел ходит сбоку,—
Мысль идет, не страшась прямой.

АКВАРЕЛЬ

Я все березы знаю по фамилиям.
И по приметам. Все назвать могу.
Плывут леса, подобные флотилиям,
Река качает тени на бегу.

Я кровный сын лесной моей державы.
Здесь все мое. По цвету. По нутру.

Вода речная выстудила травы.
Синица улыбулась поутру.

Мне хорошо на поймах этих синих.
Размытый свет роится без труда.
Начнется день — и в росписях павлиньих
Пойдет кругами вспыхивать вода.

Начнется день. Просушит крылья птица.
Все распахнется настежь. А пока —
Еще чуть свет... Еще земля дымит.
Еще росинки падают с цветка.

СИНЬ

Такая синь, такая синь,
Бери ее и клавишень.
Такая синь, такая синь,
Над синим морем парусинь.

Такая синь, такая синь,
Моторами не керосинь.
Пускай здесь солнце по росе
На красном
едет
колесе...

ЛЕСНАЯ ПЕСЕНКА

А я шел, шел, шел
По траве.
А я песенку нашел.
А я две.

А я ягоду сорвал
У бугра.
Ее август поливал
Из ведра.

Чтобы ягода росла
В сыр-бору,
Ее няичила роса
Поутру.

Шли цветы по той росе
Босиком,
Земляным пропахли все
Молоком.

А кафтанчик на цветке
Распивной.
Село солнце в холодке.
Под сосной.

Мне бы вырастить цветок
На года.
Мне бы свежести глоток
Навсегда.

А я шел, шел, шел
По траве.
Может, песенку нашел.
Может, две.

СТИХИ О МОЛОДОМ ЧЕЛОВЕКЕ МОЕГО ВРЕМЕНИ

Вам — кто младше меня. Или старше.
Вам — кто лучше меня. Или хуже.
Кто в пустыне удачу встречает на марше
Или ищет следы ее в огненной стуже,—

Я вам кланяюсь низко. До самого полюса.
Я готов перед вами упасть на колени.
За неистовство вечного вашего поиска
И за все — покоренные вами — ступени.

Вы к любимым идете песками зыбучими.
Обнимают вас намертво снежные заметы.
Вы на мокром плато укрываетесь тучами.
Малярийные ночи трясут вас без памяти.

Перед вами лежит расстояние безмерное.
И пшеничные дали. И таинство рудное.
Это только в стихах все легко так, наверное,
Вот попробуй-ка в жизни пройти через трудное.

Я за тысячи верст от жилья человеческого,
Где уже ни следа, ни гнезда, ни становища,
Повстречал на троне паренька узкоплечего,
Подарившего людям земные сокровища.

У него за душою напутствия мамыны,
Он выигрывал жизнь не по детскому фантику.
И совсем не бетонным он был и не каменным,
Сухопарый откаррик, влюбленный в романтику.

Он просвечен дорогами вечного поиска.
Не картинный. Не гулкий. Ничуть не
прикрашенный.

Поклонюсь ему низко, до самого полюса,
И пойду вместе с ним на огонь не погашенный.

БЕГАШИ

Я люблю на бегашах,
Чтобы звон стоял в ушах,
Чтоб присели елки в страхе,
Чтоб понятились леса,
Чтоб на вымокшей рубаше
Белой соли полоса.

Догони меня попробуй,
Угонись-ка ты за мной,
То ли с горки крутолобой,
То ли ровной стороной.

Синевы бездонный ярус,
Ветер яростней огня,
Я лечу, как звонкий парус,
Лыжи-лодки мчат меня.

Где там берег в снежном море?
До какой бежать черты?
Кто я? Точка на просторе?
Или песня быстроты?

Вот и мчусь на бегашах
Так, чтоб звон стоял в ушах,
Чтоб присели елки в страхе,
Чтоб понятились леса,
Чтоб на вымокшей рубаше
Белой соли полоса.

Эх вы, чудо-бегаша,
Вихревой разгон души...

ШИРОКОПЛЕЧЕСТЬ

Василию Пескову

Люблю широкоплечих мужиков
С тяжелыми литыми кулаками.
Уж если песня — так до облаков.
Уж если клятва — за семью замками.

Такой в беде не бросит нипочем.
Не спрячет взгляд. Люблю такие лица.
Он может небо подпереть плечом.
За ось земную намертво схватиться.

И если в драке бьют тебя под дых —
Держись прямой. Твой друг с тобою рядом.
Такой один сойдет за семерых.
Заворожит судьбу особым ладом.

И я люблю их — этих мужиков.
Они стоят в судьбе моей, как вежа.
В них прямота суворовских штыков
И деловитость нынешнего века.

КРАСНЫЙ

У времени есть цвет.
Оно бывает разным.
То пылким, как рассвет.
И красным. Красным. Красным.

То серым. Как свинец.
И вроде нет просвета.
То снова, наконец,
Сверкающего цвета.

То мутным, как слеза.
Средь копоты. И гари.
То черным, как гроза,
Когда она в разгаре.

То белым. Хоть кричи.
Бездушным. И безгласным.
То вдруг опять в ночи
Заполыхает красным.

У времени есть цвет.
Тона смешались зыбко.
То жесткий. Как декрет.
То мягкий. Как улыбка.

И делится беда,
Иль день восходит ясный —
Я вечно, я всегда
За этот цвет. За красный.

* * *

На юг, на север
Рожь да клевер,
Да желтоликие овсы,
Да посвист воли неоглядной,
Да берег речки ненарядной
В литых бубенчиках росы.

Стоят увалы —
Запевалы
Былинных далей и равнин,
Не надышусь я синью этой,
Такой немеренной, неспетой,
Одни края без середин.

А дни за днями,
За огнями,
За тем лазоревым цветком,
Что над бегучею водою,
Под той летучею звездою
Мне манет
Голубым
Платком...

МИР

Для чего трудились поколения?
Чтоб пришла еще одна война?
Чтобы у земного населения
Души выжигало дочерна?

Чтобы смерть вытягивало жало?
Бушевал свинцовый буревал?
Чтобы солнце от людей бежало?
Чтобы горы рушились вповал?

Не хочу, чтоб убегало солнце.
Ты ее попробуй — землю — тронь,
Что-то в ней таетя, что-то жжется,
Как запальный спрятанный огонь.

Не дразни его. Не будет слада.
Пусть она вращается, земля,
Не печалась, не сбиваясь с лада,
Атомною выюгой не пыля.

Я, чья жизнь войной была багрима,
Знавший фронтовую маету,
Говорю:

— Земля неповторима!
Вон она какая на свету.

Света, света, дайте людям света,
Всем нам хватит прожитой войны,
Слишком уж черна была планета,
Слишком были слезы солоны.

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Я люблю наблюдать за людьми.
И вот что я замечал не однажды:
В сумерки — человек загадочней,
А на рассвете — естественней.

В сумерки надо осмыслить
Все, что ты сделал за день:
Взвесить свои потери,
Пересчитать находки.

Все разложить по полкам.
По черным. Или по белым.
Этого — не умею.
Хотел бы — да не выходит.

Нет, в сумерки я задумчив
По той основной причине,
Что день мой, который прожит,
Больше не повторится.

Этого дня не будет.
Другие будут, но этот...
Ни в красках своих, ни в ритмах.
Ни в самом большом, ни в малом.

Я с днем расстаюсь навеки.
Кто мне его заменит?
С кем предстоит мне встреча?
С другом? Или с врагом?

И вот я встаю с восходом.
Дороги берут начало.
Естественно все. И зримо.
И я начинаю день.

И я огибаю солнце.
И всюду меня встречает
Необратимость жизни.
Неповторимость дня.

ОДНА НОТА

Друзья, послушайте меня!
Не спится мне... Не спится...
Сегодня, на исходе дня,
В саду скончалась птица.

Не петь ей больше никогда.
И не мечтать о чуде.
Случилась страшная беда.
Снимите шапки, люди.

Да что ж такое? Чья вина?
Случилась смерть в полете?
Нет, просто стала петь она
И вдруг ошиблась в ноте.

В одной-единственной. В одной.
И все. И песни нету.

И не с того ли шар земной
Как будто канул в Лету.

И помертвело все вокруг,
С земли до поднебесья...
Вот что такое, милый друг,
С фальшивой нотой песня.

ОБРАЩЕНИЕ К СОЛНЦУ

В мире многое непонятно.
Чем ты, солнце, возмущено?
Что за вспышки? И что за пятна?
Отчего среди дня темно?

И зачем нам твоё затмение?
Или хочется без помех
Лишний раз показать уменьше
Исчезать на виду у всех?

Ты — как фокусник в цирке нашем.
Вот он круто вознес ладонь —
И, от всех отрешен и страшен,
Начинает глотать огонь.

Он глотает огромность света.
Холодеет окрестный мир.
Ну, а ты-то? Зачем тебе-то?
Ты не фокусник. Не факир.

Мир доверил тебе свечение.
И свети. Заливай края.
В этом дар твой. Твое значение.
Твой талант. И судьба твоя.

Сколько отдали люди войнам?
И хоть это как мир старо —
Я прошу тебя: будь спокойным.
Грей. Свети. И твори добро.

* * *

С. Есенину

Лесами, логом, полем синим,
Лужком, где зыбится трава,
Идут, идут по всей России
Твои исконные слова.

Они идут толпой, как люди,
Вскипает солнце. Стынет мгла.
И даль дорог — как свиток судеб.
И ветер
бьет
в колокола...

Русоволосый, в масть зениту,
Плечом подавшийся вперед,
Идешь ты с песней знаменитой,
И поле за тобой идет.

И я там был — на поле этом.
И я стоял среди других.
И под березовым рассветом
Пил ярый мед стихов твоих.

Какая воля в них звучала...
И грусть примятого сеница...
А мне бы слушать все сначала,
Чтоб песне не было конца.

Идет твое цветное слово,
Чтоб вечно жить в людской судьбе.
И я пою тебя, живого.
И сердце
тянется
к тебе.

ЕЩЕ О ДРОЗДАХ

Не миновать нам вечного закона:
У каждого свой дом, своя звезда.
И где-то есть год Тигра. Год Дракона.
А у меня в России год Дрозда.

Нет, не за тонкий вымысел породы
Мне дорог дрозд. А за певучесть струн.
Ах, этот дрозд. Ах, чародей природы.
Звонкоголосец вещей и певун.

Он запоеет — и улыбнутся реки.
И в человеке затрепещет свет.
И для меня на всей земле вовеки
Милее птицы не было и нет.

Поют дрозды... И дай им счастья, боже,
И да не тронут беды их гнезда.
Люблю дроздов. И сам, бывает, тоже
В счастливый день люблю давать дрозда.

СКРЫТНОСТЬ

Что́ люди — даже звери плачут!
Они не прячут слез своих.
Так, значит, слезы что-то значат?
Так, значит, зря мы прячем их?

Ведь ни в большом своем, ни в малом
Природа не стыдится слез.
То вдруг заплачет снегом талым.
То соком раненых берез.

То вдруг седой косматый облак,
По небу грустному бродя,
Начнет терять привычный облик
И плачет каплями дождя.

А утром у лесной тропинки
На травах — и не перечесть —
Висят росинки, как слезинки,
И в этом тоже правда есть.

А ты томишь меня загадкой,
Вчера ушла на склоне дня
И где-то плакала украдкой...
И что-то скрыла от меня...

НЕТ НЕЛЮБИМЫХ

Нет нелюбимых! Каждый в этом мире
Кого-то любит. И кого-то ждет.
Хоть в Африке ты вырос, хоть в Сибири,
А все равно любовь тебя найдет.

Нет нелюбимых! Все кого-то любят.
Любой на свете должен быть любим.
И если где-то ствол под корень рубят,
Уже другой ветвится перед ним.

Нет нелюбимых! Умная природа
Не даст тебе остаться одному.
Да будет вечным продолженье рода,
Могущество любви в твоём дому.

Нет нелюбимых! Все мы в этом мире
Кого-то любим. И кого-то ждем.
Я в это верю. Глубже все. И шире.
Все выше в это верю с каждым днем.

ОКОШКО

История на выдумки легка.
Где сильно удивит, а где немножко...
Слышал я, что в древние века
Шли поборы с каждого окошка.

Если в доме у тебя темно,
А в кармане завелась монета —
Сотвори в стене своей окно
И гляди в него хоть до рассвета.

Если ждешь любимую давно,
Оттого в душе таишь тревогу —
Сотвори в стене своей окно
И гляди все время на дорогу.

Только перед этим поспеши,
За обводом тем одиссонным,

Золотой запас своей души
Обеспечить золотом червонным.

У меня в квартире три окна.
И не надо мне платить налога.
У меня на свете ты одна,
И одна ведет к тебе дорога.

И хожу я по дороге той,
От весны хожу до листопада.
У меня ни крошки золотой,
Да — сказать по правде — и не надо.

Мне нужна сердечная казна.
И уж пусть судьба мне явит милость,
Чтобы ты стояла у окна,
А земля кружилась бы, кружилась...

И когда от твоего лица
Теплый свет в окно стучится с лёта,
Вижу я всю землю без конца
И еще

немножечко

чего-то...

* * *

Когда я оборачиваюсь, женщина,
И долго-долго все гляжу вам вслед,
А вы уже скрываетесь — уменьшена —
Была, была, и вот уже вас нет,—

Я думаю: зачем я вас, прохожую,
Не смог увидеть в тот заветный час,
Когда я встретил лишь на вас похожую,
А все считал — что я увидел вас.

ГЛАЗА

Ясно в мире или гроза,
Черное или белое —
Сначала всему научат глаза,
Потом уже руки сделают.

Простор зовет тебя или глушь,
Прямая или кривая,
Глаза — продолжение наших душ,
Совесть наша живая.

Бывает, в глазах не увидишь дна.
Не можешь найти ответа.
Глаза меняют свои тона.
Меняют глубины цвета.

И ясно в мире или гроза,
Друга встретил, врага ли,
Нам ведь затем и даны глаза,
Чтоб мы никогда не лгали.

РОЖДЕНИЕ

А кто в кони пошел. А кто в люди.
А кто в звери пошел. А кто в птицы.
Я тебе расскажу о чуде —
Кем любой из нас мог родиться.

Вот лежит у дороги камень.
Стынет луч на шершавой коже.
Камень этот погладь руками —
Ты мог камнем родиться тоже.

Вот над тихим зеленым склоном
Облака пронеслись станицей,
Проводи их земным поклоном —
Ты ведь облаком мог родиться.

Мог стать мышью. А мог горою.
И огнем. И водой. И ветром.
Мог твой дом быть глухой норой.
Мог ты птицей скакать по веткам.

Может, жил бы совсем не худо,
Будь ты родом хоть зверь, хоть птица...

Но какое же это чудо —
Человеком на свет родиться!

СТАРЫЙ БЕС

Это исстари так. От века
(Тут ты правде своей не лги!):
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

Вот, казалось бы уж, откуда?
Не ловчил. Не позорил честь.
И не делал другому худа.
И старался вперед не лезть.

Ненавидел притворство лютю.
Не копался в чужой судьбе.
Но от этого вдруг кому-то
Становилось не по себе.

Почему? По какой примете?
Чем ты им не потрафил? А?

Просто тем, что ты жил на свете
Просто тем, что не делал зла.

Просто тем, что работал много.
Просто тем, что ты шел вперед.
Но не там, где в пути полого,
А где удаль размах берет.

Вот и все. Это так от века.
Тут ты правде своей не лги.
У хорошего человека
Тоже есть на земле враги.

В норах прячутся. Их не видно.
Сохнет зависть, как старый бес.
...Мелколесью всегда обидно,
Если рядом густится лес.

ЕДИНСТВЕННАЯ

Такая. Все в тебе красиво.
Все при тебе. И ум. И стать.
И красота пришла, как диво,
Чтобы потом тобою стать.

Не сказка, нет, а вот ведь вроде —
Мотай клубок, за нитью нить:
Где было велено природе
Такое чудо сочинить?

На берегу речушки русской?
В степной раздольной полосе?
Или в воронежской, в калужской,
А может, в болдинской красе?

Не знаю. Нет. А может статься,
Ты есть везде? И там? И тут?
Ты только выйдешь показаться —
И сразу яблони цветут.

И что там время! Дни редуют,
А ты все так жеходишь в круг,
И все стремительней седеют
Твои завистницы вокруг.

МГНОВЕНИЕ

Когда возникает речь —
Хочу вас предостеречь:
Не обольщайтесь звуком,
Не обольщайтесь словом,
Слово — по всем наукам
Может соврать легко вам.
Может обнять лукаво.
Рванный закинуть невод.
Может пойти направо.
Может пойти налево.
А может — и это счастье —
Ярко, под стать алмазу,
Вдруг распахнуться настежь
Все. До светинки. Сразу.
Труд мой, яви уменье,
Сделай такую милость,
Чтобы одно мгновенье
Целую вечность длилось.

ВСТРЯСКА

Помню в давнем детстве я —
Берег... Валуны...
Море терпит бедствие.
Черный флаг луны.

Море терпит бедствие.
Смерч стоит стеной.
В горестном соседстве я
С гиблою волной.

Где тут соответствие
Неба и воды?
Море терпит бедствие.
Черный флаг беды.

Бьют валы прибрежные.
Прямо бьют. И вкось.
А потом пробрезжило.
Стихло. Улеглось.

Над водой утешенной
Солнечная нить...
После встряски бешеной —
Жить. Жить. Жить.

СЕДЫЕ КОРАБЛИ

Я давно питаю слабость к флоту.
Синь морская у меня в чести.
Корабли выходят на работу
В будни — в семь, а в праздники — к шести.

Экскурсанты сгрудились у трапа.
Затолкали ветер. Он затих.
Золотая солнечная лапа
Обнимает каждого из них.

А вокруг кавказские красоты.
От пейзажа глаз не отвести.
Корабли выходят на работу
В будни — в семь, а в праздники — к шести.

Каждый день одно и то же дело:
Синеву вдоль берега паши.
И уж так им это надоело,
Хоть письмо в «Известия» пиши.

А по вечерам, когда над портом
Небо начинает звездный час,—
Корабли, приткнувшись к стенке бортом,
Долго-долго не смыкают глаз.

И не слышат, старые, седые,
Как на берегу, невдалеке,
Юноша — попав сюда впервые —
Чтит их

на якутском
языке.

* * *

Что ищем мы в женщине? Чуда!
А если оно не сбылось?
Была вместо чуда причуда,
И та теперь тянется вкось.

И сердце молчит виновато.
И тинет все реже домой.
А так ведь светало когда-то.
Так верилось. Боже ты мой!

Но стоит нам только расстаться —
И все возвращается вновь.
Прости своего домочадца
За странную эту любовь.

Прости. И не надо об этом.
И дело тут вовсе не в том,
Что кто-то придет за ответом
И в доме замерзнет пустом.

Нет, нет, я не сломлен покуда.
И счастья тебе, и тепла
За то ожидание чуда,
Которое ты мне дала.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

Случалось, когда уходил я в путь,
Люди твердили мне:
— Кому на роду суждено утонуть,
Тот не сгорит в огне!

Потом просили запомнить впредь:
Уж если пришла беда —
Кому на роду суждено сгореть,
Того не возьмет вода!

А я-то, простак, жил-поживал,
Шагал себе напрямик.

Одолевал в пути перевал.
Отчаянно жить привык.

А я-то кидался в огонь не раз.
Печалился о воде.
Так разве они, в мой тревожный час,
Оставят меня в беде?!

Я падал с коня. Я был на коне.
Ни в чем не жалел души.
И все-таки лучше сгореть в огне —
Чем прозябать в тиши.

ОСНОВА

Мне уже не семнадцать. Не двадцать.
Я уже наигрался с огнем.
Не люблю от земли отрываться
Ни воздушным, ни водным путем.

Не терплю пустоты под собою.
Зыбкой бездны, глухой и слепой.
Я пройду расстояние любое,
Но к земле припадая стопой.

Мне завещано это издревле.
С колыбельной, что пела мне мать.
Я люблю эту твердую землю —
Мне на ней как-то крепче стоять.

Припадаю к ней снова и снова.
Отдаю, ничего не тая.

**В ней твердыня моя. И основа.
И душевная прочность моя.**

**И, влюбленный всю жизнь в голубое,
В тот простор, что зовет за собой,
Я пройду расстояние любое,
Но к земле**

**припадая
стопой...**

ОБМАН

**Он был ей предан. Был ей предан.
Он верен был. Он дал зарок.
Он ею предан. Ею предан.
Чуть только ступит за порог.**

**Она в любви клялась отважно.
Сулила верность, в свой черед.
И все врала. Многоэтажно.
Теперь ушла. И не придет.**

**Он был обманут. Предан. Продан.
О эта лживость на крови!**

**...В тот самый день, перед уходом,
Она еще клялась в любви.**

УЧАСТЬЕ

Я иногда ловлю себя на том,
Что в трудной ссоре или в трудном споре
Хочу прикрыться фиговым листком
И спрятаться за дверью на запоре.

Хочу отгородить себя стеной
И отсидеться, рта не раскрывая.
Да что же это сделалось со мной?
Да что ж она, душа моя живая?

Молчит. Тушует резкие тона.
Ах, не задеть кого б! Да не обидеть!
А ведь не так давно еще — она
Боготворить могла. И ненавидеть.

Старею, что ли? Мненьем дорожу?
Страшусь молвы? Мол, злой да неучтивый?
Вдоль истины хожу, как по ножу.
А сам все стены, стены возвожу,
Все норовлю в укрытье, пестроптивый.

Чего ж ты не летишь, мое копье?
Не тешишься открытою игрою?
О жаркое неистовство мое,
Как мне недостает тебя порою!

Как я хочу, покою вопреки,
Во всем живом найти свое участие
И никогда не прятать кулаки
В упрямой драке за людское счастье.

ПРИХОТЬ

Кто может знать, скажи мне ты хоть
(И не блажи! Не суесловь!),
Где нас обманывает прихоть
И где к нам жалуется любовь?

Они бывают так похожи.
Так однолики. Различи!
И все же, говорю я, все же —
Где отсветы? А где лучи?

Ведь истина не половинна.
Так в чем же разница? В чем суть?
Не в том ли, что любовь глубинна,
А прихоть поверху? И чуть?

И пусть в ней вовсе нету чуда,
А только суетность одна,
Тогда откуда же, откуда
Такую власть берет она?

И оттого мне очень грустно,
Что нам не каждому дано
Уметь — когда приходит чувство —
От плевел отделить зерно.

ВЫБОР

Альтернатива мотива.
Песенок пестрый косяк.
Можно и прямо. И криво.
Можно и этак. И сяк,

Можно и грубо. И льстиво.
Можно с душой. Без души.
Альтернатива мотива.
Выбор на диво. Пиши.

Нет, не могу. Не посмею.
Лучше уйду на покой.
Сердцем кривить не умею.
А уж тем паче строкой.

Жить без фальшивых улыбок.
Совесть хранить, как зарок.
Для исправленья ошибок
Меньше и меньше дорог...

МОЛЧУН

Когда другому плохо —
Ты молчишь.
Когда тебе кусок, другому — кроха,
Ты молчишь.
Когда тревожно в мире —
Ты молчишь.
Когда и тишь и гладь в твоей квартире —
Ты молчишь.
Когда ты дружбу предал —
Ты молчишь.
Когда не твой горит, а дом соседа —
Ты молчишь.
Когда другому больно —
Ты молчишь.
Но если вдруг задеть тебя невольно —
Ты закричишь.

Так закричишь, такой поднимешь ветер,
Что в тот же миг —
Он будет слышен на другой планете,
Твой этот крик.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗКА

Напился человек березового сока
И превратился в дерево. В березу.
А на лесной поляне тишина.
Трава не вздрогнет. Лист не шелохнется.
И облака окрест остановились.
И молчалива музыка лучей.
Два дурака присели под березой.
И ну болтать. О том. О сем. О разном.
Весь день болтают. Вечер весь болтают.
Настала ночь — на них управы нет.
И не уйти от них. И не укрыться.
И человек, который стал березой,
К утру погиб. Не вынес этой муки.
Не вынес пытки глупостью. И умер.
Вот бедный... А березам каково?!

ПРИТЧА

Направо пойдешь —
счастье найдешь,
Налево пойдешь —
надежду найдешь,
Прямо пойдешь —
человека найдешь,
Никуда не пойдешь —
ничего не найдешь!

ИСПОВЕДЬ

Наверное, я странный человек:
Мне почему-то кажется порою,
Что я уже живу десятый век
Под очень непреклонною горою.

Меня храпит от старости гора.
Погода на дворе иль непогода,
А мне еще прощаться не пора.
И я еще не старюсь год от года.

Высок мой хлеб. Светла моя вода.
И на пути обыденном, привычном,
Хочу я быть бессмертным. Навсегда.
Не в переносном смысле, а в обычном.

Жить. Просто жить. Для мира. Для себя.
Я мост живой — меж нынешним и новым.
Проходит время, свежестью знобя,
И надо быть то нежным, то суровым.

И надо быть в круговороте дел.
Торить тропу. Нести в ладонях солнце.
И как бы гребень жизни не редел —
А мне чего-то все еще неймется.

Еще мне надо многое успеть.
Где не сумел. Где не посмел когда-то.
И ту — свою — цветную песню спеть,
И чтоб в нее народ поверил свято.

И всем моим завистникам назло —
Быть на земле. Не праздно. Не беспечно.
Есть женщина, с которой мне светло.
И потому я с нею буду вечно.

А что такое вечность без любви?
Без песен? Без друзей? Без вдохновенья?
В какую даль я их ни позови —
Они ко мне придут без промедленья.

Живу на свете — странный человек.
Не мыслю быть в довольстве. И в покое.
И верю в то, что бесконечен век,
Как бесконечно на земле людское.

ЛИКИ

У этого дома углы остры.
Улыбка вкрадчива. Не без яда.
Будьте добры, будьте добры,
Не заходите сюда. Не надо.

А вот — совсем молоденький дом.
Юнец. Форсовитый. И даже стилижный,
Он вам улыбнется любым окном,
Акселерат двадцатипятиэтажный.

А этот — в морщинах. Куда как стар.
Время над ним бушевало яро.
Но — старый солдат — он примет удар
И даже не вздрогнет в момент удара.

Вглядишь в эти лица. В лики домов.
В портреты из камня. Или бетона.
Дома — это слепок страстей и умов,
С подспудной душой человеческого тона.

ПОГОВОРКА

Будто впрок, про запас,
Хлещет дождь, не смолкая.
«Не по нас — а для нас!» —
Поговорка такая.

Будто сдвинулась враз
В облаках переборка.
«Не по нас — а для нас!» —
Говорит поговорка.

И хоть дождь не по мне —
Я скажу без оглядки:
Пусть в моей стороне
Будет яблоч в достатке.

Все приму. Без прикрас.
Хлещет дождь, не смолкая.
«Не по нас — а для нас!» —
Поговорка такая.

ГОЛЫЙ БЕРЕГ

Сижу на камне.
Гляжу окрест.
Сижу — пока мне
Не надоест.

По поднебесью
Туман внахлест.
Ах, мне бы песню
Из синих звезд.

И чтобы ветер.
И чтобы гром.
И ночь в ракете.
И космодром.

А тут — пустыня.
И тишина.
И в робких линиях
К волне волна.

А тут — ни шири,
Ни высоты.
А где-то в мире
Растут цветы.

Гляжу на глыбы.
Ни зюйд. Ни ост.
...Ах, мне взойти бы
На звездный мост.

СТРАННОСТЬ

Мы живем в эпоху долгожителей —
Радуйся и здравствуй, человек.
А ведь сколько их еще — любителей
Поворчать на наш двадцатый век.

Едкую усвоили манеру —
Чтобы всё в колючках, всё в шипах.
Дескать, и торопимся не в меру.
И живем всё как-то параспах.

И по нервам хлестко бьют нас беды.
Двигаемся мало. Вот напасть,

Деды — те покрепче были. Деды —
Те умели. Те жилали всласть.

Тихо было. Вот всему основа.
Гром не тот был. Молнии не те.
Поворчим. И помолчим. И снова
Поворчим. В блаженной суете.

Сколько, мол, на свете раздражителей?
Как тут сохранить себя в наш век?
А живем в эпоху долгожителей.
Ты об этом думал, человек?!

СЫРОСТЬ

Было очень серо.
Было очень сыро.
Прохудилась сфера
Голубого мира.

Прохудилась сфера
Оттого, что сыро.
Было очень серо.
Было очень сир.

Отсырела птица.
Не взлететь бедняге.
Тяжело сидится
На сырой коряге.

Тучей небо смято.
По такой погоде
Все плывет куда-то,
Растворяясь вроде.

Не был я богатым.
Не копил излишка.
Воробьем хохлатым —
Мокрый мой домишко.

Не хочу ненастья,
Все отдам соседу
И уйду за счастьем
По живому следу.

МЕДЛЕННОСТЬ

Не понимаю тех, кто пишет медленно.
Пока они мастачат свой рассказ,
Пока они токуют привередливо —
Земля пройдет по кругу сотню раз.

И сто закатов сменятся восходами.
И сто ночей придут на смену дню.
Мир не накормишь медленными восходами —
Такие восходы сохнут на корню.

Земля зовет горячими дорогами.
Бегу за солнцем. В бучу. В непокой.
Я тоже мог бы обнести берлогами,
Чтоб раз в году взыграть одной строкой.

А жизнь шумит. А время непоседливо.
Оно сидеть не хочет взаперти.
Что пожелать мне тем, кто пишет медленно?
Я им желаю — тем, кто пишет медленно, —
Счастливого и скорого пути.

ВОЛШЕБСТВО

Вот по бумаге проведу пером —
И в январе весенний грянет гром.

Вот посмотрю на солнце в январе —
И зашумят цветы на пустыре.

Вот в темноте присяду у воды —
И дочь в ту ночь родится у звезды.

Вот я рукой тихонько поведу —
И отведу от города беду.

Одно движенъе. Исподволь. Рукой.
Да кто же я, в конце концов, такой?

Как в лебедей я превращаю снег?
А просто. Я влюбленный человек.

Я сочиняю песни. О любви.
Попробуй их полет останови.

Ведь в песнях все сбывается, простак...
Ах, если бы и в жизни было так.

ДЕТИ ВЕЧНОСТИ

Годы, годы, дети вечности,
Сколько вас в моем дому?
Ни добра, ни человечности
Я у вас не отниму.

Сколько с вами было хожено?
Все со мной. До одного.
Все служили как положено.
Даже более того,

Даже в пору злого времени,
Что провел я на войне.
К году год — а нету бремени.
Нету тяжести на мне.

Я вас чту. До бесконечности.
За великую страду.
Годы, годы, дети вечности,
Труден путь — а я иду...

КИПАРИС

Я посадил кипарис. В Крыму.
Хотел, чтоб он рос. И рос.
Сколько досталось солнца ему?
Сколько

выпало

рос?

Как природилась земля к нему?
Любила его? Или нет?
Я посадил кипарис в Крыму.
Ему уже восемь лет.

Глянешь наверх, на макушку его,—
Шапка свалится вниз.
И лучше его нет никого —
Вот какой кипарис.

Сколько над ним бушевало гроз,
Смертным крылом крутя,
А мой кипарис всех перерос.

И все-таки

он

дитя..

ДРУЗЬЯМ-СОПЕРНИКАМ

Я писал про небеса,
Вы сказали:
— Ни беса!

Я про лес, про поле ли —
Вы опять злословили.
Я про женское сословие,
Вы сказали:
— Суесловие!

Я слагал молитвы —
Ставили на вид вы.

Обращался к прозе —
Обвиняли в поэзе.

Брался снова за стихи —
Вспоминали все грехи.

За статью, за очерк
Ставили мне прочерк.

Выходил на сцену —
Враз сбивали цену.

Так чего ж вам надо?
Чтоб я сбился с лада?

СОСТРАДАНИЕ

Река обмелела. Потом обомлела.
Куда же бежать ей теперь? Куда?
И тянет свое побелевшее тело
Камнями затисканная вода.

Уйти? В другом поселиться месте?
А как же люди? Как бросить их?
Ведь столько прожито было вместе.
Как тут гадать о местах других!

Жила на этой земле веками.
Ей и не надо других земель.
Перебирает река руками
Мель, перекаты и снова мель.

А на рассвете, когда прохлада
С дальнего поля бежит к воде,
Ни шума ветвей и ни птичьего лада
Тут уж не слышно давно нигде.

Так одиноко реке на свете.
Белый зрачок в синеву небес.

...Вчера к реке приходили дети
И посадили здесь новый лес.

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Тут явно напутано что-то.
Я в этом уверен. Вполне.
Я попросту сбился со счета,
И что-то прибавилось мне.

А сколько? А столько! И только!
И тут уж считать погоди.
Да это лишь малая долька
Той доли, что ждет впереди.

А что впереди? Да ей-богу,
Еще я хочу поутру
В далекую выйти дорогу,
Которая мне по нутру.

Лицом повернувшись к восходу,
Пойду я встречать города,
Все больше влюбляясь в природу,
Все меньше считая года.

А годы? Торопятся что-то.
Я в этом уверен. Вполне.
Я попросту сбился со счета,
И что-то прибавилось мне...

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

Горячие точки планеты...
Как часто я слышу еще
Про то, что зловещи рассветы,
Что очень земле горячо.

Ей так горячо, что, пожалуй,
Однажды нечаянно тронь —
И вот он, большой или малый,
Пойдет куролесить огонь.

Задышит, засвищет, забьется,
Земные обуглит следы...
Земле горячо не от солнца,
Земле горячо от беды.

Ведь где-то томясь от безделья,
Среди окаянных реторт,
В глубоком глухом подземелье
Живет еще атомный черт.

ТВОРИТЕЛЬ

Я много лет ищу ответ,
А он никак не ловится:
Ну как пришла на этот свет
Стоустая пословица?

Кто сочинитель? Кто мудрец?
И как его прозвание?
Он жнец? Он пвец? В дугу игрец?
Или иного звания?

Его и нет давным-давно,
А слово все не сносится.
И столько лет уже оно
В людские души просится.

И столько лет оно в чести,
И каждому охота
То слово вслух произнести,
Как собственное что-то.

...Вчера, по улице одной,
Шла песня. Слово в слово.
То уходила стороной,
То приходила снова.

Ее здесь знал любой жилец,
Любой окрестный житель...

А этой песне — я отец.
И я ее творитель.

ЛЕСТНИЦА

Лестница, льстивая лестница

Все мне твердит об одном:

— Я твоя добрая вестница,

Мы с тобой кверху идем.

Мне твои радости дороги.

Что тебя ждет впереди?

Я тебе под ноги, под ноги,

Ты только кверху иди.

Ты только кверху. Без устали.

Помни на свете одно:

Разум ведет тебя, чувство ли,

Все перед нами равно.

Кверху! Все в мире отмерено.

Кверху! Иди и владей.

Скоро ты будешь уверенно

Сверху глядеть на людей.

Я ведь такая счастливая.

Я ведь с душою. Любя...—

Льстивая лестница, льстивая,

Я ненавижу тебя.

Сколько сгубила ты попусту,

Судеб сломала людских.

Мне и не надо их, попросту,

Шатких ступенек твоих.

ПОЖЕЛАНИЕ

С каждым днем и с каждым утром новым

Утверждаюсь в мысли, в свой черед:

Человек обязан быть здоровым —

Остальное все к нему придет.

Все придет. Приливы и отливы.
У судьбы раскидистая сеть.
Человек обязан быть счастливым —
А не то душа начнет чернеть.

И чтоб в жизни быть необоримым,
А не тлеть, как уголек в золе,
Человек обязан быть любимым —
Одному не звонко на земле.

* * *

О чем я думаю ночами?
Что мне мерещится, когда
Течет бессвязными речами
Из рукомойника вода?!

Когда кругом светло и глухо.
И только звезды по стеклу.
Печаль, как бабка-вековуха,
В сиротском прячется углу.

Лежу с разверстыми очами.
Ловлю душою каждый звук.
О чем я думаю ночами?!
Кого зову к себе на круг?!

С кем выйду в звездную дорогу?
Как проживу остаток дней?
Я ночью думаю помногу.
Мне по ночам всегда видней.

Как будто я душой ребенка
Внимаю тайнам бытия.

Так беспредельно все. И тонко.
Так неоглядна жизнь моя.

Так все загадочно. И веще.
Текут за окнами миры.
И все явления и вещи —
Как вестники иной игры.

Лежу с открытыми очами.
Я слышу в мире каждый звук.
О чем я думаю ночами?
Кого зову на звездный круг?

ХМЕЛЬ

Хмель кружился над поляною.
Парил веники берез.
И плясали пчелы пьяные,
Только крылышки вразброс.

И ярился хмель. И важился.
И шумел до хрипоты.
Хмель буянил. Хмель куражился.
Хмель пошатывал цветы.

Ой, хмель, хмель, хмель,
Будоражливый,
Где впрысочку, где бочком,
Где потяжливый.

Ой, хмель, хмель, хмель,
Неуступчивый,
Шибко гулкий, шибко злой,
Шибко влюбчивый.

Ой, хмель, хмель, хмель,
Забиякою,
Будто мелют сто Емель
Разность велкую.

Ой, хмель, хмель, хмель,
Где дуб, где ель,
Где зря, где впрок,
А где в травы с ног.

Хмель бродил цветной поляною,
Парил веники берез.
И плясали пчелы пьяные,
Только крылышки вразброс.

БЕГ

У времени — быстрые ноги.
Торопится круг обойти.
И что-то теряет в дороге.
И что-то находит в пути.

С ним всякое в жизни бывает.
Но как ни хвали, ни злословь,

Уж если оно убывает,
То тут же рождается вновь.

Иду с ним в любую дорогу.
Спешу. Убыстряюсь. Бегу.
И все почему-то, ей-богу,
У времени вечно в долгу.

Несутся часы оголтело.

А время торопит:

— Спеши! —

Но это для дела. Для дела.

А вот для души... для души...

ПОКОЙ

То ли белые человечки
На сосновой сидят руке,
То ли белые — в полночь — свечи
Разгорелись на ветерке.

Он их трогает, а не тушит.
Вон их сколько среди ветвей.
Может, это живые души
Убиенных в лесу зверей.

Обойду я сосну сторонкой.
Сапогами не наслежу.
Я по стежечке тонкой-тонкой
Только издали прохожу.

Чистота-то какал, свете!
Не отыщешь нигде такой.
Видно, души живые эти
Стерегут здесь лесной покой.

РОДОСЛОВНАЯ

Когда я о собственном думаю месте,
Что в жизни далось мне ценой дорогой,
Мне и не надо — сказать по чести —
Песни другой. И судьбы другой.

Был бы я лучше? А может, хуже?
Не знаю. Но знаю одно! До конца!
Мать бы себе я выбрал бы ту же.
Того же бы выбрал себе отца.

Ту же сестру. И того же брата.
Ту же Сибирь. Где родился. Рос.
Ту же, тяжелую кладь солдата,
Что на плечах по войне пронес.

Все бы осталось таким, как было.
Крик воробьиный из-под стрехи.
Женщина так же меня б любила.
Те же я бы писал стихи.

Одни бы так же. Другие внове.
Сменил бы некоторых друзей.
Несовместимость и душ, и крови
С годами чувствуется острее.

Когда я о собственном думаю месте,
Что в жизни далось мне ценой дорогой,
Мне и не надо — сказать по чести —
Песни другой. И судьбы другой.

ЧЕСТЬ

Растить зерно. Копать руду.
Честь воздается по труду.

Честь воздается по строке,
Когда с ней бог накоротке.

Честь воздается по уму,
Когда он навзничь рушит тьму.

Честь воздается по любви,
Когда она всегда в новй.

Честь воздается по добру.
Хвала Адамову ребру.

Честь воздается по рукам,
Когда их мощь равна векам.

Честь воздается по огню,
Когда он свет дарует дню.

Я мог бы так считать до ста,
Но эта притча не проста:

Растить зерно. Копать руду.
Честь воздается по труду.

ТРОПА

А где-то туча тучится,
А где-то лес дремучится,
Бежит тропа-попутчица
За дальний пережат,

Бежит кугой взъерошенной,
Вдоль речки огорошенной,
Да по траве покошенной,
С восхода на закат.

Эй, где вы, люди встречные,
Друзья мои сердечные,
Долинные, заречные,
Мне с вами веселей.
Люблю дороги людные,
Где хлебные, где рудные,
Где легкие, где трудные,
А нету их милей!

Бежит тропинка, стелется,
Все в жизни перемелется,
Добро с добром поделится,
А кривде ходу нет.
А где-то туча тучится,
А где-то лес дремучится,
И любо — коль получится —
В тропу впечатать след.

КОЛОКОЛА

Ах, как колокола гудели!
На крайней ноте, на пределе,
Почти на грани немоты.
То вдруг зайдутся в медном плаче,
А то пойдут звучать иначе
И ломают бурей сквозь кусты.

Заголосят, застонут ветки,
Заговорят в могилах предки,

Задышит буря тяжело.
И вдруг ударит хохот дробный,
Каменьям ломаным подобный,—
Ах, только б мимо пронесло!

Гудят колокола шальные,
Басы дремучие, хмельные
И теноров высокий край.
И ветер мощью колокольной,
Припав к березе белоствольной,
Кричит земле:

— Играй! Играй!

Играй, земля! Не знай покоя.
Твори нам что-нибудь такое,
С чего душе прекрасней жить.
И рвется отзвук колокольный
Сквозь дальний лес и сквозь окольный
И тянет звончатую нить.

Звонарь подобен был пророку.
Всю ночь, лицом к заре, к востоку,
Звонарь с Россией говорит.
Светло, восторженно, открыто,
Играя звуком знаменито,
Он что-то вещее творит.

У звонаря сегодня свадьба.
Весь мир ему — одна усадьба.
Всех позовет к себе звонарь.
И колокольная дружина
Кричит ему неукротимо:
— Ударь! Ударь! Еще ударь!

Как он играл, звонарь влюбленный!
И растекался мир стозвонный

За океаны и моря.
Нет, я душою не слукавил,
Я брагу пил, невесту славил,
Я был на свадьбе звонаря.

ПРАВДА

Ты знаешь, как выглядит правда?
Тогда нарисуй мне ее.
Как русская речка Непрядва,
Поднявшая к бою копье?

Как луч, рассекающий тучу?
Как в чистой прохладе родник?
Как свет, что поднялся на кручу
И к самой вершине приник?

А может быть, правда суровей?
И вид у нее не такой?
В рубцах, почерневших от крови,
С подъятою к небу рукой?

Гнетет ее душу забота,
Как кривду скорее смолоть?
А может быть, правда всего-то
Соленого

хлеба

ломоть...

ТЕНЕТА

И грудь на грудь. Глаза в глаза. Воочью.
А не удар из-за угла. И ночью.

И не слушок липучий. Заугольно.
А говори в глаза. Хоть будет больно.

Все, что ты знаешь, прямо мне скажи.
Худая правда лучше всякой лжи.

А ты тайком плетешь свои тенета.
Все норовишь еще схватить кого-то.

Накликать горе. Опоясать злом.
А самому остаться за углом.

Ты истопырь. Ты черная морока.
И все-то ты не близко, не далёко.

Хоронишься в запечном тайнике.
С намыленной удавкой в руке.

Ты оборотень. Все в тебе фальшиво.
А людям улыбаешься красиво.

Желаешь им здоровья. И добра.
Спешить сказать: — Ни пуха ни пера!

А сам в ночи плетешь свои тенета,
Чтобы тайком еще схватить кого-то.

НАКАНУНЕ

Высокие звездные свечи.
Солдатики мерзлой травы.
Холодное лезвие речки
Отточено до синевы.

Осенняя ссерость в природе.
Идут из-за гор холода.
И вроде бы рано. И вроде
Идут холода не туда.

Становится речка жестокой.
Укрыться бы ей перед сном.
И стынет куга над протокой.
И тишь на подворье лесном.

Черны на березе насечки.
Все тягостней крики совы.
Холодное лезвие речки
Отточено до синевы.

ДВОЙНИКИ

На всех широтах всех материков
Печатает природа двойников.

Они живут повсюду — двойники.
То где-то тут. То вовсе далеки.

Но где бы он однажды ни возник —
Он копия моя. Он мой двойник.

Где ныне он? И как он там живет?
Тепло ли там? А вдруг там вечный лед?

И с кем он там? Есть у него родня?
Он злей меня? Или добрей меня?

Печатает природа двойников.
За сто дорог. За тысячи веков.

Они живут повсюду — двойники.
То где-то тут. То вовсе далеки.

Я знать хочу — в чем слаб он, в чем велик?
А может, это я его двойник?

И это он мне долгий шлет сигнал.
Я — копия? А он — оригинал?

Вот и пойми! Уж, видно, мир таков.
Печатает природа двойников...

ЗВУЧНОСТЬ

Тишина, ты лучшее
Из всего, что слышал.
Б. Пастернак

Сколько играно музыки? Сколько спето?
Но самая лучшая музыка — она одна:
Самая лучшая музыка — это
Тишина. Тишина. Тишина.

Когда, в едва народившемся свете,
Ти-и-и-хо ступает предутренний час —
Ничего нет звучнее на свете
Зари, обступающей нас.

Тетеревиные красные брови
Хмурит заря. Тишина внахлест.
Тут даже биение собственной крови
Раскатывается на тысячи верст.

А музыка леса? Музыка поля?
А музыка рек, обнимающих даль?

Все это звучит. Как хоралы раздолья.
И празднует радость. И плачет печаль.

И я убегу в эту зиму. И в лето.
Чтоб пить тишину. Неотрывно. До дна.
Ведь самая звучная музыка — это
Тишина...

тишина...

тишина...

ПРОВОДЫ

Вот ведь жить бы в покое,
Внука в люльке качать...
Наше дело такое —
Провожать да встречать.

Провожать эшелоны.
На войну. В лихвей.
Под горелые склоны
Зарывать сыновей.

Сгинь ты, горе людское.
Не наплакалось, чать? '
Наше дело такое —
Провожать да встречать.

Все дороги любимы,
Только б не на войну.
Провожаем мы зимы.
Провожаем весну.

Провожаем закаты.
Их воинственный цвет.

А встречаем — солдаты —
Краснопенье. Рассвет.

Он летит в голубое,
Чтобы утро начать...
Наше дело такое —
Провожать и встречать.

СЕЛЬСКОЕ

Проживает заря в светелке.
И заречной крутой тропой
Облака, как большие телки,
Утром ходят на водопой.

В синей речке воды напьются.
Постоят у приречных ям.
И кувшинки плывут, как блюда,
Вовсе синие по краям.

Хорошо тут душе живется.
Сколько чистого встретишь тут...
Вон тропинки-то у колодца
Кружева по земле плетут.

СКУКА

И друзей имею. И врагов.
Может, это истина расхожая?
У поэтов множество богов.
Я люблю такое многобожие.

Но молюсь я богу одному.
И живу по правилу чудесному —

Это чтоб всегда в моем дому
Место было делу интересному.

Говорят, что будто меж людей
Скука ходит. Злая. Постнолика.
И что там ей — скуке — веселей,
Где безделье мается великое.

Я не ведал скуки. Никогда.
С нею ляды у меня не точены.
Мне бы дело в руки. И айда.
Я простор люблю. А не обочины.

Вот чему молюсь я. Одному.
И живу по правилу чудесному —
Это чтоб всегда в моем дому
Место было делу интересному.

ЖИВОТВОРЦЫ

А мир-то все еще творится.
И тут уж каждому свое.
Стучит частица о частицу
И высекает бытие.

И в ясный день, и в непогоду
Жизнепрекрасен их заряд.
Они творят огонь и воду.
И горы новые творят.

Им — животворцам — все подвластно.
И лютый зной. И лютый лед.
И разнолико, разномастно
Пред ними время предстает.

Поклон им низкий, в самом деле.
Им жить. Им землю украшать.
Ах, если бы они умели
Еще и мертвых воскрешать...

ХИРУРГИЯ

Н. Пивоварову

Через боль прошел. Как через глуби.
Всю се повицытал. До дна.
Облако стояло в белой шубе
Прямо у больничного окна.

Холодно. Стерильно все. И бело.
Ой белым-бело, как на юру.
Дует зимний ветер оголтело,
Примерзая к каждому ребру.

Жизнь моя идет сейчас по краю.
Что там затаилось впереди?
Я сейчас сознание потеряю,
Только ты его не находи.

Сам найду. Верну его на место.
На кого там падает стена?
Тишина, размякшая как тесто,
Залепила комнату до дна.

Говорят, на свете есть преданье
(В нем-то, дескать, мудрость вся. И соль) —
Истина идет через страданье,
Истина приходит через боль.

Оттого не юношей зеленым,
А взглянув на мир как бы с горы,
Я пришел из боли — умудренным,
К истине приблизясь с той поры.

КНИЖКА

Из всех на свете книжек
(Им это не в вину!)
Я, может, в сердце выжжет
Всего одну. Одну.

Единственно. Не боле.
Ничуть. За все года.
Зато по доброй воле
Я чту ее всегда.

Когда ее страницы
Листаю я подряд —
Встают слова-провидцы
И с веком говорят.

И, если мне тоскливо
И все неумоги,
Я долго, терпеливо
Читаю книгу ту.

Какою стороною
Куда меня ни день —
Она всегда со мною,
Хоть ночь идет, хоть день.

Ах, эта книга, книга,
Я, в чередѣ годов

Не пропуская мига,
Читать ее готов.

На все ищущи ответа
Не прячась, не тая.
Так что ж за книга это?
А это — жизнь моя.

БАЛОВНИК

Утром в лес забежал ручей.
Береза его спросила:
— Чей ты, ручей?
— Я? А ничей! —
Береза сказала:
— Си-и-ла...
И что ж ты? Без матери? Без отца?
К нам в лес прибежал без спроса?
А может быть, мать стоит у крыльца
И ждет тебя, водоноса? —
Ручей потоптался накоротке
И спрятался недалеко.
А за пригорком, с плеткой в руке,
Ждала его мамка-речка.

ЗРЕЛОСТЬ

От молодых я в чем-то отстаю.
А где? А как? А в чем искать причину?
Ведь я еще ничуть не устаю,
Когда бегу на дальнюю вершину.

Да, я еще бегом люблю. Бегом.
Хоть зрелости к лицу степенность шага.

А может, суть не в этом? А в другом?
И уж пора сдаваться? А, бедняга?

Рука не та? Не так уж зорек глаз?
Обзор не тот бывает пенароком?
Но ведь виденья посещают нас,
Когда на них мы зрим духовным оком?

И в снах моих сильней, чем наяву,
Какие только птицы не летали!
Как хорошо, что я живу. Живу.
А остальное — мелочи... Детали.

ДОБРО И ЗЛО

Идет тысячелетняя война.
И погибают армии жестоко.
И эта быль от времени черна.
И нет войне ни отдыха, ни срока.

Идут тысячелетние бои.
Невосполнимы тяжкие потери.
И обрыдали землю соловьи.
И все скрипят кладбищенские двери.

Идет тысячелетняя война.
Ползут по свету горькие калеки.
И эту боль не вычерпать до дна,
И не стереть следов ее вовеки.

Тут в бой уходят лучшие умы.
Тут о героях множатся баллады.
Солдаты Света и солдаты Тьмы
Идут в бои, не знаячи пощады.

Летит окрест солдатское «ура».
Тьма отступает, смазывая пятки.
И наступает армия Добра,
И зло бежит, сломав свои порядки.

Идут бои. С зари до темноты.
Тут — кто кого! Гора сошлась с горою.
И все-таки на свете доброты
Поболее, чем кажется порою.

АНТЕННА ДУШИ

Старую землю свою любя,
Стараясь раскрыться шире,
Я пропускаю через себя
Любое движенье в мире.

Кто-то тропу протоптал в глуши.
Вернулся с войны калека.
Звучит антенна моей души
Тревожным голосом века.

Я слышу, как утром звенят лучи.
Как ветер поет просторно.
Как колокол поля кричит в ночи,
Когда высыхают зерна.

Как перед разлуками плачет вокзал.
Как стало кому-то худо.
И кто-то любимой своей сказал:
— Родная моя! Ты — чудо!

Я слышу, как скалятся волчья пасть.
И тянутся листья к свету.
И старая бомба зевает власть,
Грозя потоптать планету.

Рождаются дети в ночной тиши.
Минуют за вехой веха.
Звучит антенна моей души
Тревожным голосом века.

НЕПРЯДВА

Вот только это поле перейду —
А там еще возьму одну грядку.
А там — еще. Еще. И до предела.
А там — опять холмы. Опять река.
А там печаль. Она не оскудела.
И гордость в сердце. Это на века.

Ночных холмов надвинуты шеломы.
Засадный полк упрятан до поры.
Сейчас начнется. Разом грянут громы.
И мужики ударят в топоры.

И грудь на грудь. И высверки косые.
Меч просит крови. Тут уже не трусь.
За каждой грудью прячется Россия,
Прекрасно кем-то названная: Русь!

На берегу, на левом ли, на правом,
В степи открытой, в ельнике густом
Приникла темень к воинским заставам
И ночь прикрыла землю, как щитом.

А поутру, когда багряным светом
Займется день и тьма уйдет в бега —
Чуть пошатнется конь под Пересветом,
Копытом наступая на врага.

Даль размахнется посвистом ужасным.
Ударят глухо копыя и мечи.
И светлый лик Непрядвы станет красным
От крови той, что сблизится в ручьи.

И выстраданно, трепетно, сурово
Из Мурома, из Пскова, из Перми
Приди сюда — на поле Куликово
И трижды эту землю обними.

ИГРАЕТ РИХТЕР

Вот он тронул клавиши. И где-то,
Сразу на другом конце земли,
В створы субтропического лета
Волны океанские пошли.

Вот он тронул клавиши. И разом
(Только б это чудо уберечь!)
Северным, каким-то белым сказом
Звездная затрепетала речь.

Вот он тронул клавиши. И стало
Тихо в каждом доме. И светло.
Небо до земных камней достало.
Чью-то душу болью обожгло.

Музыки хрустальные хоромы.
Ты уже возвышен. Ты летишь.
Здесь в одной из комнат ходят громы,
А в другой, соседней, — дремлет тишь.

Он сейчас их выпустит на волю.
И они взлетят из-под руки,

Чтобы приземлиться в чистом поле,
Прямо возле утренней реки.

На воде червонные разводы.
Тянет свежим цветом от садов.
Всё отсюда. От живой природы.
От ее оттенков и ладов.

Вот он тронул клавиши. И где-то,
Сразу на другом конце земли,
В створы субтропического лета
Волны оксанские поплы.

ПРЕИСПОДНЯ

На то, как говорится, власть господня,
Хоть с богом я давненько не в ладу.
Приснилась мне сегодня преисподня,
И я по ней с пожитками иду.

Разметены дорожки. И при этом
Обочь дорожек холмики в золе.
Кипят котлы. И пышут синим светом
Те, что святыми были на земле.

О, я знавал их — праведников чистых.
Им уготован рай был. А не ад.
Таких обворожительных. Речистых.
Ни разу не сказавших невпопад.

Багровый ответ на поленьях ярых.
Смиряться. И на помощь не зови.
И тут я вдруг друзей увидел старых,
Так много раз мне клявшихся в любви,

Гляжу на них как будто виновато.
Чуть отойду. И возвращаюсь вновь.
А я-то думал, я-то верил свято
В их искренность. В их дружбу. В их любовь.

О женщина, и ты сюда попала?
За что тебя? Ты ведешь о том?
Не ты ли с ветки яблоко срывала,
Что столько бед наделало потом?

Хочу пройти. С грехами разминуться.
Я видел мир с обратной стороны.
Какое счастье вовремя проснуться
И все забыть. Как забывают сны.

БЕССМЕРТИЕ

Хотите верьте или не верьте,
Однажды Смерть испугалась смерти.

Однажды утром, когда светало,
Пришла с работы. И страшно стало.

И намахалась. И накосила.
Откуда только берется сила?

И так намаялась. Так устала.
Что вновь ей жутко чего-то стало.

Вон у косы-то края оббились,
Как будто гвозди в нее влюбились.

И тут хоть верьте, а хоть не верьте,
А снова Смерть испугалась смерти.

А вдруг все зло, что она творила,
Придет однажды. И скажет:
—Было?!

И тени старцев и кто моложе
Закроют небо. И землю тоже.

И закричит на березе кочет.
А за стеною война клокочет.

А в чистом поле лежат солдаты.
Чуть припорошены. Бородаты.

Им люди памятники поставят.
Их славит бронза. И песни славят.

И скажет кто-то, как в вещем чуде:
—И смертна Смерть! И бессмертны люди!

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

У меня большое нынче горе:
Вот уже четвертый день подряд
К той сосне, что встала на угоре,
Птицы почему-то не летят.

То всегда спешат неумоимо.
Все здесь побывали. До одной.
А сейчас покружатся — и мимо.
И совсем уходят стороной.

Чем же им сосна не угодила?
Случай ли какой не угодил?

Здесь еще когда-то бог Ярила
На поляне радуги водил.

Здесь еще гулялись волчьи свадьбы.
Дятлы оставляли письма.
А сейчас отвадились. Узнать бы,
Чем им не потрафила сосна?

Что тут было? Что могло случиться?
Как тут пригорюнилась беда?
Я не знаю. Знают только птицы.
Но они не скажут. Никогда.

Оттого и мыкается горе.
Вот уже четвертый день подряд
К той сосне, что встала на угоре,
Птицы почему-то не летят.

ВСЕ БЫЛО СО МНОЙ

Я в жизни своей и делил, и множил.
Тянул сквозь годы цветную нить.
Нет, возраст — это не сколько ты прожил,
А сколько тебе остается жить.

А сколько тебе остается чуда.
Песен пропеть. Протоптать следов.
И только б творилось поменьше худа.
И только б поменьше худых годов.

Пусть будет в жизни удач премного.
Я за удачливых. Коновых.
И чтобы дорога звала. Дорога.
И чтобы побольше друзей живых.

Все было со мной: и делил, и множил.
Тянул сквозь годы цветную нить.
Нет, возраст — это не сколько ты прожил,
А сколько тебе остается жить.

ГОРЬКИЕ СТИХИ

А пригожая. А красивая.
А тугая лебяжья стать.
Нерожалая. Неродивая.
Не хотела матерью стать.

Все себе. Ничего другому.
Это гордый ее девиз.
Все любила пройтись по дому
И поглядывать сверху вниз.

Ей бы только прожить бобылкою,
Беспопечно к себе гребя,
Каждой клеточкой, каждой жилкою
Возлюбивши одну себя.

Все молила судьбу злощастную
Не давать ей дитя вовек.
Пожалейте ее, несчастную,
Как дано нам жалеть калек.

Красота-то ее веселая,
Этот пышный обманный цвет,
Как вода гулевая, полая,
Постепенно сойдет на нет.

И от цвета того линялого
Разбежится морщинок сеть.

Ей бы на руки сына малюго.
Колыбельную песню спеть.

Ей бы, дочь на руках качаячи,
Надышаться ее теплом.
Пригреваячи, прикрываячи
Материнским своим крылом.

Ей бы в дом воркотню ребячью.
Да не надобно ей. Уволь.
Оттого-то я в сердце прячу
Обожженную эту боль.

Оттого-то ночной порою,
Отходя от дневных затей,
Так и вижу — глаза прикрою —
Нерожденных
ее
детей.

ТОЧНОСТЬ

Мне морзянка время отстучала.
Точное. Точнее не найти.
Сутки начинаются сначала,
Ты их не задерживай в пути.

Точным будь. Не дай им сбиться с круга.
Пусть тебя за это не клянут.
Сколько мы украли друг у друга
Месяцев. Неделей. И минут.

Сколько мы задач убили срочных.
Сколько попадали невпопад.

Предаю анафеме неточных,
Время обращающих назад.

Я бы их судом судил всеобщим.
А ведь — что греха таить — подчас
Поворчим. Пошепчемся. Поропщем.
И про все забудем. В сотый раз.

Проверяя жизнь свою на прочность,
Я опять об этом, я опять —
Предаю анафеме неточность,
Время обращающую вспять.

ТЕНЬ

Я — тень. Я — ночь. Я — день.
Живу я тихо. С краю.
Куда меня ни день —
Я в полдень умираю.

Вползу ничком в траву.
Там отлежусь немного.
Потом опять живу.
Как небо. Как дорога.

Как лес, что все года
Колдует надо мною.
Он даже иногда
Зовет меня женою.

Тяну по жизни нить.
Ломаюсь в зыбком свете.
Могу я удлинить
Любой предмет на свете.

Ты руку подними —
И я отвечу сразу.
Живу между людьми
И людям нет отказу.

И — что там говорить —
В хвалу и в почитанье
Могу я повторить
Любое очертанье.

Все повторяю. Ей-ей.
Но чести не теряю.
В отличие от людей —
Себя не повторяю.

ДОН КИХОТ

Мир велик теплом исповедальным.
До души — неблизкий переход.
Верю я, что по дорогам дальним
Все еще кочует Дон Кихот.

Он откуда вышел? Из Ламанчи?
Или из какого городка?
На осле вальяжно едет Санчо,
Рассыпая зерна говорка.

А вокруг монахи смотрят косо.
Полземли в закате. Как в крови.
Едет рыцарь. Долго ль до Тобоса?
Ровно столько — сколько до любви.

Все вперед, вперед, за вехой веха.
И уже — попробуй догони! —

Он въезжает из другого века
Прямо в наши нынешние дни.

Он уже стучится в наши двери.
В дом входи! Я накормлю коня.
Сколько раз ты, рыцарь, в самом деле,
Жизнью рисковал из-за меня.

Сколько бурь ты вынес! И пожаров.
Сколько туч сгущалось над тобой!
Сколько ты щитом отвел ударов,
В сердце мне назначенных судьбой!

Вон они, рубцы-то на доспехах.
Шрамы на руках. И на груди.
Но в прекрасных рыцарских потехах
Шла всегда отвага впереди.

И за эту добрую отвагу,
За мечту упрямую твою
Поднимаю слово, будто шпагу,
И тебе поклонно отдаю.

СТРАННИКИ

Дети моей поэзии
Бродят по белу свету...
Все их несет куда-то.
Все им покоя нету.

Все их упрямо тянет
Ширь обойти мирскую.
Я ведь сказать по правде —
Очень по ним тоскую.

Их леденили ветры,
Жгли их лучи рудые...
Странники и скитальцы,
Дети мои седые.

Вот бы собрать их вместе.
В лес бы забраться ранний.
Сколько тогда по кругу
Хлынет воспоминаний.

Шли вы огромным миром.
Сушею шли. И морем.
Кто-то из вас был счастлив.
Кто-то обуглен горем.

Но в одиночку, розно,
Или друг с другом вместе
Вы приходили к людям
Только с добром и честью.

Дети моей поэзии,
Ветер сечет планету.
Все вас влечет куда-то,
Все вам покоя нету...

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	3
Портрет	4
Любовь	5
Мельница	6
Чудак	6
Душа	7
Свет и тьма	8
Ветер	9
Атом	10
Страда	11
Высь	11
Банальность	12
Толпа	12
Потеха	13
Сказание о разлуке	14
Мой век	15
Прямота	15
Плач по новогодней елке	16
Корни	17
Вершина	18
Огонь	18
Дирижер	19
Предел	20
Осенняя ночь	21

Глаголы	22
Тайна	22
Противостояние	23
Живая память	24
Чайка	25
Безликость	26
Есенинская осень	27
Вдвоем	27
Гипербола	28
Этюд	29
Преодоление	30
Открытость	30
«О женщинах — не спрашивай меня!..»	31
Старичок	32
Ночное поле	32
Минута	33
Подснежники	34
Горе	35
Светание	36
Позднее добро	36
Поводырь	37
Наивность	38
Наигрыш	39
Контрасты	39
Реквием	40
Поздняя осень	41
«Я живу размашисто. И громко...»	41
Моя Сибирь	42
Звездочет	43
Мысли об осени	44
Алена	44
Чудо	45
Снегиня	46
Баллада о рыжей девчонке	48
Чистые души	49

Южный день	51
Клятвы	52
Вьюга	52
Тайга	53
Заповедное	54
Одноцветье	55
Действие	56
«Год юбилеев. И кончин...»	57
Летописец	58
Свет в окне	58
Сорока	59
Снег	60
Приметы	60
Корысть	61
Признание	62
Поминальная песня	62
Ночь	63
Эпитафия	64
Напоминание	64
Безделье	65
Из дневника	66
Серость	67
Хлеб	67
Преддверие	68
Дорога	69
Вечная тема	70
Зимнее	70
Неожиданность	71
«Дом пустеет, когда тебя нету...»	72
Спутница	73
Иду к тебе	73
Человек	74
Русская душа	75
Берега	76
Добротворцы	77

«Я о примете говорю...»	77
Мечта	78
Прозорливость	79
Река	80
О любви	80
Маленький городок	81
Мечтатель	83
Посреди рассвета	83
Сплетия	84
Подслушанный разговор	85
Творение	85
Сердце	86
«Я люблю, когда поэты...»	87
Разговор с критиком	88
Грузинский мотив	89
Промельки	89
Загадка	90
Лес	90
Лошадь	91
Сезам	92
Погода	93
Ожидание	94
Заповедь	94
Честность	95
Мысль	96
Акварель	96
Синь	97
Лесная песенка	97
Стихи о молодом человеке моего времени	99
Бегани	100
Широкоплечестъ	101
Красный	101
«На юг, на север...»	102
Мир	103
Неповторимость	104

Одна нота	105
Обращение к солнцу	106
«Лесами, логом, полем синим...»	107
Еще о дроздах	108
Скрытность	109
Нет нелюбимых	109
Окошко	110
«Когда я оборачиваюсь, женщина...»	111
Глаза	112
Рождение	112
Старый бес	113
Единственная	114
Мгновение	115
Встряска	116
Седые корабли	116
«Что ищем мы в женщине? Чуда!..»	117
Размышление	118
Основа	119
Обман	120
Участье	121
Прихоть	122
Выбор	122
Молчун	123
Современная сказка	124
Притча	124
Исповедь	125
Лики	126
Поговорка	127
Голый берег	127
Странность	128
Сырость	129
Медленность	130
Волшебство	131
Дети вечности	131
Кипарис	132

Друзьям-соперникам	133
Сострадание	133
Ко дню рождения	134
Горячие точки	135
Творитель	136
Лестница	137
Пожелание	137
«О чем я думаю ночами?..»	138
Хмель	139
Бег	140
Покой	141
Родословная	142
Честь	143
Тропа	143
Колокола	144
Правда	146
Тенета	146
Накануне	147
Двойники	148
Звучность	149
Проводы	150
Сельское	151
Скука	151
Животворцы	152
Хирургия	153
Книжка	154
Баловник	155
Зрелость	155
Добро и зло	156
Антенна души	157
Непрядва	158
Играет Рихтер	159
Преисподня	160
Бессмертие	161
Неизвестность	162

Все было со мной	1
Горькие стихи	1
Точность	1
Тень	1
Дон Кихот	1
Странники	1

Сергей Григорьевич Островой

ГОДЫ...

Редактор **Н. М. Галактионова**
Художественный редактор **Н. Д. Викторова**
Технический редактор **Р. Д. Рашковская**
Корректор **С. В. Мироновская**

ИБ № 4686

Сдано в набор 02.04.85. Подписано в печать 21.08.85. Форм. 78×90/32. Бумага № 1 тип, на вкл. — мелов. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,51 (в т. ч. вкл. 0,07.) Усл. кр.-отт. 6,51. Уч. изд. л. 6,67 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 20000 экз. Зак 315. Цена 95 к. Изд. инд. ЛХП-29. Ордена „Знак Почета“ издательство „Советская Россия“ Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15. Сортавальская книжная типография Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 186750, Сортавала, Карельская, 42.